

ЯРОСЛАВ КАЛФАРЖ

Финалист премии
АРТУРА Ч. КЛАРКА

ИЗ КОСМОНАВТ БОГЕМИИ

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Ярослав Калфарж
Космонавт из Богемии

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Калфарж Я.

Космонавт из Богемии / Я. Калфарж — «Эксмо»,
2017 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-169833-1

Финалист премии Артура Ч. Кларка. Номинация на Dayton Literary Peace Prize. Финалист Center for Fiction First Novel Prize. Через Солнечную систему пролетает новая комета. После нее на орбите Венеры остается облако газа и космической пыли, принесенное из Глубокого Космоса. Это источник бесценной информации для земных ученых. Для изучения облака в космос отправляется чешский профессор-астрофизик Якуб Прохазка, дитя Бархатной революции, сын сотрудника Státní bezpečnost — Службы госбезопасности.

Именно его ждет невероятное — первый контакт с внеземным разумом. Испытания и травмирующие воспоминания перемешиваются под сиянием звезд. Миссия на грани катастрофы. Человек и пришелец готовятся встретить свою судьбу. «Читается как "Космическая одиссея" Артура Кларка, скрещенная с романом Милана Кундеры, действие которого происходит во вселенной Филипа К. Дика, и с отсылками к «Превращению» Франца Кафки». — Library Journal «Смешайте Брэдбери и Лема с Сент-Экзюпери, и, возможно, немного Кафки, и вы получите роман чешского писателя-иммигранта Калфаржа. Книга, построенная на хитром юморе противоположностей. Объединяя тонкие аспекты чешской истории, Холодной войны и сегодняшней шаткой демократии, "Кондитерские изделия Калфаржа" представляют собой изобретательное, хорошо продуманное упражнение в фантастике. Занимательное, провокационное дополнение к романам о ближайшем будущем». — Kirkus Reviews

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-169833-1

© Калфарж Я., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	8
Проигравшая сторона	9
Мир космонавта	14
Падение в глубину	23
Тайны человечества	27
Железный башмак	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ярослав Калфарж

Космонавт из Богемии

Моему деду Эмилу Србу

*Дом обветшалый. На стенах дырявых
Разросся жадный мох.
Лишайники в прозорливых оравах.
Забытый двор давно заглох.
Жабреем каждый стебель здесь задавлен,
Одни крапивы лесом разрослись.
Заплесневел колодец и отравлен,
В нем водопой для крыс.
А яблонь хвора вся – хилость и утрата,
Не знаешь, что она цвела ли хоть когда-то.
В веселый, ясный день, когда лучи блестят,
В обломах посвисты щеглят.
От солнечных лучей меняется картина,
Минут летящих мнится шум,
Как будто тень часов, танцует в них былина,
Вздох: Sine sole nihil sum¹.
Ведь в мире все личина.*

Карел Томан, «Солнечные часы»²

---

¹ Без солнца я ничто (лат.).

² Перевод К. Бальмонта.

Часть первая

Взлет

Проигравшая сторона

Меня зовут Якуб Прохазка. Очень распространенное имя. Родители хотели, чтобы я жил просто, в согласии со страной и соседями, жил в служении миру социализма. А потом железный занавес с грохотом рухнул, и в страну вторглось чудовище из страшных сказок, с его «клиент всегда прав» и рыночной экономикой.

Прежде чем я стал космонавтом, чудовище и его новые апостолы спросили, не хочу ли я сменить имя на что-то более экзотическое. Более западное. Более подходящее герою.

Я отказался и сохранил его таким как есть – обычным и безыскусным.

Весна 2018 года. Теплым апрельским вечером все чехи собрались на вершине Петршинского холма, чтобы поглазеть на запуск шаттла «Ян Гус 1» с государственного картофельного поля. Между двумя пражскими готическими башнями Чешский филармонический оркестр заиграл государственный гимн, и начался обратный отсчет. Наконец толпа охнула – криогенное топливо вспыхнуло, и шаттл взметнулся ввысь. Все его девять миллионов килограммов, не считая восьмидесяти килограммов единственного пассажира.

Работающий двигатель «Яна Гуса 1» высветил всю сотню городских шпилей и оставил в небе свою печать в виде птицы. Горожане и туристы следили, как шаттл выходит на орбиту, пока он не скрылся в солнечных лучах, оставшись лишь тенью, видимой только самым мощным телескопам. Предоставив космический корабль своей новой судьбе в небесах, болтающие горожане спустились с Петршинского холма, чтобы утолить жажду пивом.

Я наблюдал за триумфом своей страны по беззвучно мигающему монитору. Только через час я привык к вибрации сиденья, от которой на заднице наверняка останутся синяки. Ремень безопасности врезался сквозь костюм в сосок, а я не мог его ослабить. Взлетный модуль, в котором я сидел, был размером с кладовку для швабры и представлял собой скопление светящихся экранов, хлипких панелей и трона для космонавта. Механизмы вокруг, не осознавая собственного существования, тихо несли меня все дальше от дома, безразличные к тому, какие неудобства я испытываю. У меня задрожали руки.

Я отказался пить воду до взлета, как бы настойчиво ее ни предлагали. Мой взлет – это сбывшаяся невероятная мечта, беспрецедентный духовный опыт. Мою чистую миссию не изгадить какими-то недостойными проявлениями человеческой природы, когда моча просочится в специальный отсек костюма с максимальной впитывающей способностью. На экране передо мной люди махали флагами, сжимая запотевшие бутылки «Старопрамен», и обменивали кроны на пластмассовые шаттлы и фигурки космонавтов. Я поискал лицо своей жены Ленки в надежде в последний раз увидеть ее печаль – уверение в том, что она любит меня и боится потерять, а наш брак выдержит мое восьмимесячное отсутствие и многое другое.

И пусть горло саднило, язык царапал десны, а все мышцы напряглись и сжались, пока километр за километром я лишался самых элементарных удобств, проходя через плотные слои атмосферы. Это был мой триумф, исторический момент. Школьники грядущих столетий будут повторять мое имя, а в пражском музее восковых фигур поставят мою скульптуру. Рекламные щиты с моим лицом, радостно глядящим в небо, уже протянулись в Богемии до самого горизонта. Желтая пресса утверждала, что у меня четыре любовницы и пагубное пристрастие к азартным играм. Или что это фальшивый полет, а я всего лишь компьютерное изображение, озвученное актером.

Доктор Куржак, мой официальный врач, настаивал, что полет будет сущим кошмаром – одиночное путешествие в неизвестность, когда придется рассчитывать только на милость немых и равнодушных технологий. Мне доктор Куржак не нравился. От него несло солеными огурцами, а свой пессимизм он скрывал под маской выдавшего виды человека. Ему поручили

подготовить к полету мою хрупкую психику, но он главным образом отмечал мои страхи (я боюсь пищевых отравлений, гусениц и жизни после смерти – ну вдруг от жизни невозможно сбежать), причем с таким пылом, будто надеялся написать мою биографию.

Во время взлета он посоветовал есть любимые с детства сласти (вафли в шоколаде «Татранки», которые я сложил в ящик слева) и размышлять над моими обязательствами перед мировым научным сообществом, а также об оказанной мне огромной чести – впервые после того, как Ян Эвангелиста Пуркине выяснил, что все отпечатки пальцев индивидуальны (или после того, как Отто Вихтерле изобрел мягкие контактные линзы), чех совершит великое открытие. Воображение раздувало мое эго, и в тишине отсека я начал шептать свою нобелевскую речь, пока жажда не стала невыносимой.

Я нарушил данное себе обещание и нажал на кнопку H_2O , из контейнера под сиденьем жидкость потекла к соломинке, закрепленной на плече. Я жертва своей физической сущности, карлик, карабкающийся по стебельку, чтобы схватиться с колоссом врукопашную, клеточная структура с примитивной нуждой в кислороде, воде и избавлении от отходов. «Хватит этих мрачных мыслей, пей уже», – прошептал я, и напор адреналина обострил все чувства и притупил боль.

Почти полтора года назад в галактику Млечный Путь из Большого Пса вошла прежде неизвестная комета, устроив в Солнечной системе песчаную бурю из межгалактической космической пыли. Между Венерой и Землей образовалось облако – удивительный феномен, названный Чопра в честь его первооткрывателей из Дели, – окутавшее земные ночи пурпурным зодиакальным сиянием, и небо, которое мы знали с момента появления человечества, изменилось. Ночная Вселенная для наблюдателя с Земли больше не выглядела черной, и облако неподвижно висело на месте. Непосредственной опасности оно не представляло, но его упорство распалало наше воображение, рисуя кошмарные варианты.

Разные государства наперебой предлагали проекты, как захватить частицы загадочной Чопры и изучить эти микроскопические обломки чужих миров на предмет химического состава и присутствия жизни. К Чопре послали четыре автоматических шаттла, чтобы исследовать облако и привезти образцы на Землю, но все вернулись пустыми, словно туманность была миражом, коллективной галлюцинацией миллиардов землян.

Следующий шаг был неизбежен. Эту задачу нельзя доверить машинам. Германия отправила к туманности шаттл с дистанционным управлением и шимпанзе Грегором, дабы убедиться, что человек способен выжить внутри Чопры достаточно долгое время, собрать и проанализировать образцы.

Грегор вернулся в лабораторную клетку целым и невредимым, и тут облако изменилось – оно начало пожирать само себя, внешние слои растворялись и исчезали внутри более плотного ядра. Одни заговорили об антиматерии, а другие приписывали туманности свойства органической материи. В прессе обсуждали версии, какому из мировых правительств достанет смелости отправить людей в четырехмесячное путешествие с Земли к облаку космической пыли, состоящему из неизвестных и потенциально смертоносных частиц. Ходили слухи, и ничего кроме слухов, об американцах, русских, китайцах и даже немцах – те заявили о серьезности своих намерений, когда предложили в жертву Грегора.

Но в конце концов всех огорошила страна с десятью миллионами жителей – моя страна, земля Богемии, Моравии и Силезии. Чехи полетят к Чопре и разгадают ее загадки. А я буду их героем, который вернется домой под фанфары научной славы. На следующий день во всех газетах напечатали слова поэта, надрывшегося абсента: «Мы возлагаем на «Яна Гуса 1» наши надежды на суверенитет и процветание, потому что теперь мы вступили в клуб исследователей вселенной. Мы не смотрим в прошлое, когда на нашу землю претендовали другие, а наш язык чуть не исчез; когда Европа закрывала глаза и уши на то, что ее сердце украли и терзают. Сквозь вакуум полетят не только наша наука и технологии, но и наш гуманизм в виде

Якуба Прохазки, первого богемского космонавта, который понесет душу Чешской Республики к звездам. Сегодня мы окончательно можем назвать себя суверенными».

Пока я готовился к полету, мой быт стал общественным достоянием. Улицу перед домом, где жили мы с Ленкой, усеяли фургоны прессы; вечно что-то жующие журналисты; фотографы, ставящие локти на капоты машин как снайперы; беспризорные дети, жаждущие получить автограф, и обычные зеваки. Полиции пришлось выставить ограждения и перенаправить транспортные потоки. Я забыл о прогулках в одиночестве и тихих размышлениях, какое яблоко выбрать на рынке. Я привык, что за мной повсюду следует толпа – ради безопасности (меня уже завалили письмами от психически неуравновешенных поклонников и влюбленных женщин) и помощи – донести продукты из магазина, поправить выбившийся из прически волосок, поболтать. Вскоре я уже мечтал поскорей покинуть Землю и снова насладиться простой роскошью одиночества. Тишиной.

А теперь тишина стала очередным нежеланным шумом. Я открыл ящик с провизией и куснул вафлю «Татранки». Слишком сухая, немного затхлая, ничего похожего на знакомый с детства вкус. Мне следовало находиться в другом месте, в уюте понятных времен, в той жизни, которая привела меня на борт «Яна Гуса 1». Жизнь стремительно бежит вперед, но мы никогда не прекращаем поиски начала, Большого взрыва, который установил наш неизменный курс. Я выключил монитор, передающий, как радуются мои сограждане, и закрыл глаза. Где-то в глубине времени и воспоминаний тикали часы. Тик-так, тик-так.

Мой Большой взрыв случается зимой 1989 года в деревне Стршеда. Неубранная палаая листва с липы превратилась в бурое месиво на увядшей траве. Утром в день Забоя я сижу в пропахшей яблоками бабушкиной гостиной и рисую в блокноте хрюшку Лауду. Дедушка точит свой нож об овальный оселок, время от времени прерываясь, чтобы откусить бутерброд с салом. Насвистывая в такт тикающим часам, бабушка поливает цветы – все подоконники заставлены горшками с чем-то зеленым, красным и фиолетовым. Под часами висит черно-белая фотография моего отца-школьника, он широко и открыто улыбается – я никогда не видел у него такой улыбки, когда он стал взрослым. Наш толстый кокер-спаниель Шима спит рядом со мной, его горячее и ободряющее дыхание обдает мою ногу.

Неторопливый и молчаливый мир маленькой деревушки до Бархатной революции. Мир, в котором мои родители еще живы. В ближайшем будущем меня ждут свежий гуляш, холодец с хреном домашнего приготовления и капитализм. Дедушка запрещает нам включать радио. День Забоя – это его день. Утром и вечером он любовно откармливает хрюшку Лауду смесью картошки, воды и пшеничной крупы, чешет ее за ушком и с широкой улыбкой ощупывает толстые бока. Лауда так разжирела, что ее разорвет, если сегодня же ее не зарезать, так он говорит. Политика подождет.

Эта гостиная и тепло от камина, ритмы песен, нож, собака, карандаш, урчание в животе... Наверное, где-то именно здесь происходит внезапный всплеск энергии, определивший мое предназначение – стать космонавтом.

Мои родители приезжают из Праги в два часа дня. Они припозднились, потому что отец остановился на ромашковом поле, чтобы нарвать маме цветов. Даже в старой синей кофте и отцовских трениках мама напоминает одну из рыжеволосых актрис с молочно-белой кожей, которые поют по телевизору бодрые молодежные песни, подкрепленные исключительной женственностью и яростной преданностью партии. Отцовские усы слишком длинные, потому что теперь он больше не бреется на работу. Он худой, а веки припухли из-за сливовицы, которую он пьет на ночь.

Собирается больше сорока соседей и деревенский мясник, который помогает дедушке резать свинью. Отец старается не смотреть в лицо соседям, не знакомым с родом его занятий. Если они узнают, что он коллаборационист, сотрудничал с тайной полицией, то отвернутся от дедушки с бабушкой и будут плевать в нашу сторону. Не в открытую, но страх и недове-

рие к режиму порождают молчаливую враждебность. Революция восстает против всего, за что выступает отец. Соседи тревожатся, но жаждут перемен, а отец курит, выдыхая дым бледными губами, и знает, что из-за этих перемен он окажется на стороне проигравших.

Двор длинный и узкий, с одной стороны стоит дом бабушки и дедушки, а с другой возвышается стена соседской сапожной мастерской. В любой другой день он был бы усеян окурками и бабушкиными садовыми инструментами, но в день Забоя утоптанную почву и клочки травы как следует подмели. Сад и свинарник отделяются от двора высоким забором, образующим арену, Колизей для последнего танца бабушки с Лаудой. Мы собираемся во дворе кружком у ворот загона. В пять часов бабушка выпускает Лауду из свинарника и хлопает ее по задку. Свинья мчится по двору, возбужденно обнюхивая наши ноги, и гонится за кошкой, а бабушка заряжает кремневый пистолет порохом и свинцовой пулей.

Похлопав уставшую Лауду по рылу, я прощаюсь с ней, бабушка подтаскивает ее в центр круга и укладывает на бок, пнув ботинком. Затем приставляет пистолет к ее уху, и пуля с треском входит в кожу, плоть и череп. Когда бабушка перерезает свинье горло и подставляет ведро для крови на суп и колбасу, ноги Лауды еще дергаются. В нескольких шагах от него мясник и деревенские мужики сооружают треногу с крюком и выливают кипящую воду в большой чан. Отец хмурится и закуривает сигарету. Он никогда не любил забивать животных. Говорит, что это варварство – убивать животных, которые только начали жить на земле. Люди – просто скоты. Мама тут же ответила бы, что не нужно вбивать мне в голову все эти глупости, к тому же он ведь не вегетарианец?

В чане розовое тело Лауды лишается короткой жесткой щетины. Потом свинью вешают за ноги на крючок и разрезают брюхо от горла до паха. Сдирают с нее шкуру, вырезают грудинку и варят голову. Отец смотрит на часы и входит в дом. Я гляжу через окно, как мама наблюдает за ним – он говорит по телефону. Нет, не говорит. Слушает. А потом вешает трубку.

В Праге пять тысяч демонстрантов наводняют улицы. Их путь усеян кирпичами и сломанными полицейскими щитами. Звон колоколов заглушает новости по радио. Время слов пришло и ушло, теперь они существуют только в виде шума. Гула освобождения. Настало время для установления нового порядка. Советская оккупация страны и марионеточное правительство, которое поддерживала Москва, – все в одночасье рухнуло, народ воззвал к свободе по западному образцу. А партийные лидеры проклинают неблагодарных паразитов и говнюков. Мол, пусть теперь империалисты заташат их прямоком в ад.

Мы варим язык Лауды. Я отрезаю кусочек ножом и подношу ко рту – горячий, жирный и восхитительный. Бабушка чистит кишки уксусом и водой. В этом году мне оказали честь, доверив мясорубку, – я заталкиваю порезанный подбородок, печень, легкие, грудинку и хлеб в воронку механизма, кручу ручку и проталкиваю. Бабушка подхватывает фарш и набивает им чистые кишки. Он единственный из всей деревни до сих пор делает ливерную колбасу вручную, а не с помощью машины. Соседи терпеливо ждут окончания процесса.

Как только бабушка разделяет колбасу на секции, от которых еще идет пар, гости начинают расходиться – раньше обычного, и половина из них даже не успела надраться. Все спешат к телевизорам и радио, узнать о событиях в Праге. Шима кланчит объедки, и я разрешаю ему слизать жир с моего пальца. Мама и бабушка убирают мясо в пакет и замораживают его, а отец так и сидит на диване, глядя в окно, и курит. Я захожу в дом, чтобы насладиться острым ароматом гуляша.

– Еще рано судить, – говорит мама.

– Столько людей, Маркета. Партия хотела выставить милицию, чтобы их разогнать, но Москва запретила. Ты понимаешь, что это значит? Значит, мы сдадимся без борьбы. Советская армия больше нас не поддержит. С нами покончено. Лучше остаться в деревне, подальше от толпы.

Я снова выхожу к дедушке, который ставит в центре двора тачку. В ней он возит сухие поленья для костра. Земля под нашими ногами раскисла от крови. Мы нарезаем хлеб и жарим его для ужина на закате.

– Почему папа ни о чем мне не рассказывает? – спрашиваю я.

– В последний раз я видел такое выражение у него на лице, когда его в детстве укусила собака.

– И что теперь будет?

– Не говори отцу, Якуб, но все не так уж плохо.

– Значит, партия проиграет?

– Партии пора уйти. Настало время для перемен.

– Но ведь тогда мы превратимся в империалистов!

– Вроде того, – смеется он.

Над деревьями у наших ворот раскидывается звездное покрывало, звезды такие яркие, когда их не засвечивают уличные фонари Праги. Дедушка протягивает мне слегка подгорелый кусок хлеба, и я аккуратно откусываю, чувствуя себя героем телепередачи. Обычно, столкнувшись с новой реальностью, люди в телевизоре медленно пережевывают пищу. Возможно, именно здесь взрыв новой энергии прорывает твердые стены физической реальности, обрекая меня на такую невероятную судьбу. Возможно, именно здесь я теряю надежду жить как обычный землянин. Я доедаю хлеб. Пора идти в дом, чтобы слушать отцовское молчание.

– Через двадцать лет ты назовешь себя наследником революции, – говорит дедушка, повернувшись ко мне спиной, чтобы помочиться в костер.

И, как обычно, он прав. Правда, он не говорит мне – то ли из сострадания, то ли из-за болезненной наивности, – что я наследник проигравшей стороны.

А возможно, и нет. Я готов, несмотря на все неудобство моего трона космонавта, я готов, несмотря на страх. Я служил науке, но ощущал себя скорее безрассудным мальчишкой на грязном байке, который глядит на огромный провал величайшего в мире каньона и молится всем богам на всех языках прежде, чем совершить прыжок к смерти, к славе или сразу к обеим. Я служил науке, а не памяти моего отца, чей мир рухнул той Бархатной зимой, и не памяти свиной крови на моих ботинках. Я не обману ожиданий.

Я смахнул крошки вафель с коленей. Земля была черной с золотом, по всем континентам ползли огоньки, как будто клетки в никогда не останавливающемся митозе. Над океанами свет обрывался, уступая власть царству глубокой тьмы. Мир тускнел, брызги света начинали угасать. Я вознесся над тем, что мы называем Землей.

Мир космонавта

Проснувшись в тринадцатую неделю пребывания в космосе, я отстегнулся, выбрался из Утробы и потянулся, мечтая занять шторы, чтобы отдернуть их, или хотя бы ветчину для жарки. Проплыв через Коридор 2, я выдавил горошину зеленой пасты на синюю зубную щетку, любезно предоставленную компанией «СуперЗуб», крупнейшим дистрибьютором стоматологических принадлежностей и спонсором миссии. Почистив зубы, я сорвал пластиковую упаковку с очередного одноразового полотенца, любезно предоставленного компанией «Ходовна», крупнейшей сетью продуктовых мегамаркетов и спонсором миссии. Я сплюнул в полотенце и внимательно осмотрел свои десны, розовые, как свежeweымытый младенец, а также отбеленные коренные зубы – результат высочайшего стоматологического искусства моей страны и тщательной гигиены полости рта на борту. Я все же ощупал один зуб языком, хотя и решил, что больше не стану этого делать. Знакомая боль усилилась.

При стоматологическом осмотре я получил высокие оценки, однако в первую же неделю в космосе появилось это покалывание, признак начавшегося разрушения, и до сего дня я хранил его в тайне. На тренировках меня к удалению зубов не готовили, а где в космосе искать приличного стоматолога? А закись азота он притащит с собой или соберет из загрязненной атмосферы Земли? Я мысленно улыбнулся, но подавил смехок. «Никогда не смейтесь вслух над собственными шутками, – советовал доктор Куржак. – Это верный признак умственной деградации».

Возможно, самой раздражающей частью миссии оказалось то, как быстро я приспособился к распорядку. Вся первая моя неделя в полете была сплошным ожиданием, как будто сидишь в пустом кинозале и ждешь, что вот-вот загудит проектор, экран засветится, прогоняя все мысли. Легкость моих костей, функциональность техники, скрипы и гул корабля, как будто шумят соседи этажом выше, – все казалось захватывающим и восхитительным. Однако уже на второй неделе во мне поселилась жажда чего-то нового, и акт выплевывания зубной пасты в одноразовое полотенце вместо земной раковины утратил свою новизну. К тринадцатой неделе я навсегда расстался со стереотипом о преобладании ценности самого путешествия над достижением цели и в ежедневной скуке утешался лишь двумя мыслями – добраться до пылевого облака, дабы пожать плоды его урожая, и поговорить с Ленкой, чей голос давал уверенность, что мне по-прежнему есть куда возвращаться.

Проплыв через Коридор 3, я открыл дверцу буфета и шмякнул изрядную порцию «Нутеллы» на белую булку. Я переворачивал булку и наблюдал, как паста подрагивает в воздухе, словно тесто для пиццы в руках шеф-повара. Вдали от дома еда стала безмолвным соучастником моего полета, утверждением жизни и, следовательно, неприятием смерти. Корабль жег топливо, а я жег свое – протеиновые батончики со вкусом шоколада, обезвоженные куриные кубики, сохранившие сладость и сочность внутри морозильной камеры апельсины. Прошли времена, когда астронавты придерживались диеты из концентратов со вкусом столь же насыщенным и приятным, как просроченные пакетики «Зуко».

Я ел, постукивая по гладкой и мертвой линзе камеры наблюдения, любезно предоставленной фирмой «Котол», крупнейшим производителем электроники и спонсором миссии. Одна из десятка сломанных камер на корабле, которые во время полета то и дело выходили из строя, что навлекло на компанию позор и нанесло ей серьезный ущерб на фондовом рынке. Никто не мог выяснить, что не так с их устройствами – в надежде восстановить доброе имя своего бренда компания даже прислала на сеанс видеосвязи трех лучших инженеров, чтобы в режиме онлайн руководили мной в процессе ремонта. Не прокатило.

Конечно, я не сообщал о постоянном появлении скрежета, который разносился по всему кораблю всякий раз, когда отключалась одна камера, и тут же исчезал, стоило мне показаться

из-за угла. Как утверждал перед стартом миссии доктор Куржак, подобных галлюцинаций и следовало ожидать, поскольку звук есть присутствие чего-то земного, успокоение. Не нужно гоняться за призраками. А кроме того, я не возражал, чтобы камеры больше не следили за каждым моим шагом – теперь я мог всласть нарушать строгие правила питания, балуясь спиртным и сладким, мог пропускать тренировки, мог опорожнять кишечник и заниматься онанизмом, не беспокоясь об этих сторожевых псах. Быть невидимым – огромное удовольствие, пусть уж лучше запрет на круглосуточное видеонаблюдение за космонавтом в спортивных штанах распаляет коллективное воображение всего мира.

Грядущий день обещал быть приятным. После привычной рутины – проверки «Ферды», космического пылесборника и технической звезды моей миссии, ленивой кардиотренировки и проведения диагностики кислородных баллонов – мне предстояло провести пару часов в покое за чтением, прежде чем одеваться и готовиться к сеансу видеосвязи с женой. Потом я собирался насладиться стаканчиком виски, отпраздновать, что осталось всего четыре недели пути до пункта назначения, огромного газового облака Чопра, которое так изменило ночное небо Земли и не поддавалось нашим попыткам с ним разобраться.

Проникнув в облако, я должен был собрать образцы при помощи «Ферды», самого сложного экземпляра космической техники из всех, произведенных в Центральной Европе, и изучить их в специально оборудованной лаборатории по пути обратно на Землю. Как раз по этой причине космическая программа Чешской Республики и наняла меня, штатного профессора астрофизики и опытного исследователя космической пыли Карлова университета. Меня подготовили для космического полета, обучили основам работы с аэрокосмической техникой и подавлять тошноту в невесомости. Меня спросили, возьмусь ли я за эту миссию, если есть шанс не вернуться. Я согласился.

Мысли о смерти появлялись, только когда я засыпал. Они подбирались ко мне легким холодком под ногтями и исчезали, когда меня покидало сознание. Снов я не видел.

Не знаю, что меня волновало сильнее – грядущее постижение тайн Чопры или предстоящий разговор с Ленкой. Общение в браке на пути между космосом и Землей во время еженедельных сеансов связи начинало напоминать наблюдение за инфекцией, которая постепенно охватывает здоровую плоть, пока ты строишь планы на будущее лето. И после прошедших трех месяцев я стал замечать, что у тоски тоже есть свой ритм.

Итак, понедельник, начальная стадия: «О боже, детка, я так скучаю. Мечтаю почувствовать твоё утреннее дыхание на своих запястьях».

Вторник, рефлексирующая ностальгия: «А помнишь, как хорваты остановили нас на границе, пытались конфисковать бутерброды со шницелями? Ты развернула один, начала есть и кричала мне, чтобы я тоже ел, кричала, что мы съедим все здесь, у границы, покажем этим фашистам, что к чему. Тогда я понял, что женюсь на тебе».

Среда, отрицание: «Ох, если бы это было возможно, если бы я мог вернуться сейчас в нашу спальню».

Четверг, сексуальная фрустрация и пассивная агрессия: «Ну почему ты не здесь? Что ты делаешь целыми днями, пока я тут плюю в синее полотенце – любезно предоставленное «Ходовой», спонсором миссии, – пока считаю часы, отделяющие меня от гравитации?»

Пятница, легкое помешательство и сочинение песен: «Царапина ноет, и не почесать, царапина ноет, и не почесать. Любовь – это ссадина, которую не почесать. Никак не почесать, о-хо-хо».

В первые несколько недель моего полета мы с Ленкой выходили за рамки полутора часов, отведенных космической программой. Ленка задергивала темно-синюю штору и снимала платье. В первый раз она надела совершенно новое белье, которое только что купила утром – черные кружевные трусики и черный бюстгальтер с розовым кантом. Во второй раз на ней не было вообще ничего, и тело окутывал только нежный голубой отсвет, отражавшийся на ее

коже. Петр, координатор миссии, позволял нам занимать столько времени, сколько требовалось. Ведь все равно особого смысла в ограничениях не было – я мог болтать с Ленкой весь день напролет, а шаттл двигался по своей траектории автоматически и непрерывно. Но мир нуждался в этом повествовании, в трагической разлуке пана и пани Космонавт. Что за герой, если он болтает по телефону?

Однако в последние сеансы я порадовался ограничениям во времени. Еще до того, как истекал первый час, Ленка безнадежно умолкала. Она говорила тише, называла меня просто по имени, а не прозвищами, которые мы придумывали годами. Мы не обсуждали ни наготу, ни физическое желание. Не шептались о влажных снах. Ленка почесывала мочку правого уха, как будто у нее аллергия, и не засмеялась ни одной моей шутке. «Всегда шутите с другими, но только не наедине с собой, – советовал доктор Куржак. – Как только поверите, что можете составить компанию самому себе, вы перейдете черту между удовольствием и безумием». Совет хороший, но трудноприменимый в вакууме. И Ленка была единственным собеседником, к которому я неравнодушен. Всей пустоте космоса не сравниться с отчаянием, которое я испытывал, когда ее смех сменился пустой тишиной.

Я одержимо искал источник этого охлаждения и, выполняя привычные работы на борту «Яна Гуса 1», перебирал в памяти события последней ночи и утра на Земле с Ленкой. Я проверял системы фильтрации, стараясь уничтожить любые бактерии, которые способны в условиях космоса мутировать непонятно во что и поразить меня с неизвестной Земле жестокостью. Изучал данные, чтобы удостовериться в плавной рециркуляции кислорода (обеспечивавшейся резервуаром с водой, куда мне часто хотелось нырнуть, как хочется беззаботному отпускнику погрузить тело в море на самом солнечном берегу), и фиксировал истощение запасов.

Вокруг глубоким баритоном гудел и урчал мой шаттл, не ведая, что несет меня к месту нашего совместного назначения, и не спрашивая советов. Напрасно я выискивал отклонения от траектории – компьютер был несравнимо лучшим проводником, чем я. Будь у известного обманщика Христофора Колумба такой навороченный навигатор, как у меня, он мог бы добраться до любого континента, задрав ноги кверху и попивая вино. Понятно, что за три месяца миссии у меня было достаточно свободного времени, чтобы поразмышлять о собственном браке.

За три дня до моего отбытия мы с Ленкой ходили в «Курацу», наш любимый японский ресторан в районе Винограды. На ней было летнее платье с желтыми одуванчиками, новые духи пахли корицей и пропитанными вином апельсинами. Мне хотелось залезть под стол и уткнуться лицом в ее колени.

Она сказала, что моя жертва возвышенна и благородна, уместив сентенцию между двух полных вилок тунца в соусе тартар. Наша жизнь должна стать символом. Выжимая лайм на свою лапшу, я кивнул в ответ. Голос Ленки подпортил восторг от моего космического путешествия – я уже не был уверен, стоит ли вся Вселенная того, чтобы оставить Ленку, с ее утренними ритуалами, ароматами и приступами паники среди ночи. Кто разбудит ее, кто скажет, что все в порядке и мир пока еще цел? Нас ослепила фотовспышка. Специи ожгли краешек моего языка, и впервые в жизни я не знал, что сказать жене. Я выронил вилку. Извинился.

«Извини» – вот что я сказал. Просто так, одним словом. Это слово потом отдавалось эхом в моей голове. Извини, извини, извини. Она тоже перестала есть. Шея у нее была тонкая, а губы вызывающе красные. Это была не только моя жертва – наша общая. Ленка позволила мне улететь. Это она дремала у меня на плече, пока я продирался сквозь учебники по астрофизике и контрольные моих студентов. И она в восторге швырнула в фонтан свой мобильник, когда я сказал, что избран для этой миссии. Смерть не обсуждалась, только перспективы и честь. Ленка не комментировала отрицательные тесты на беременность, заполнявшие нашу мусорную корзину, пока я привыкал к отсутствию гравитации и все время проводил в трени-

ровочном бассейне Национальной космической программы Чехии, а когда возвращался домой с судорожно стянутыми мышцами, то говорил лишь «есть и спать».

Я так и не узнал, приняла ли она мои извинения. Мы опять взяли вилки и закончили трапезу в молчаливой компании камер, собирающих наши образы. Мы целовались, пили саке, говорили о поездке в Майами после моего возвращения. Наконец мы сделали селфи нашего последнего ужина на Земле и выложили в «Фейсбук». Сорок семь тысяч лайков за первый час.

Когда тем вечером мы вернулись домой, меня вырвало, едва я успел развязать галстук. Спиртное за ужином нейтрализовало действие таблеток от тошноты, и тело вернулось к естественному состоянию, бунтуя против напряженных тренировок и невесомости бесконечной рвотой. Пока я сгибался над унитазом, опустошая желудок, Ленка водила пальцами по моим волосам. Я сказал ей, что нужно попробовать еще раз, если только она подождет, пока я почищу зубы. Ленка ответила, что не против, но я знал, что это не так.

Она ожидала в постели, пока я умывался, а потом с трясущимися руками залез в кровать и провел языком по ее ключице. Ленка выгнула спину, ухватила меня за волосы, прижалась ко мне, а я тем временем тер ладонью свой вялый член. Мы ласкали друг друга, извивались, сопели, и в конце концов она мягко оттолкнула меня и сказала, что мне нужно поспать. Я уверен, это был идеально подходящий, может, даже судьбоносный момент – муж с женой начинают, и муж улетает в космос ради великих свершений, а потом возвращается на Землю, чтобы всего через месяц стать отцом. Ленка смазала руки кремом и сказала, что у нас точно все получится сразу же после моего возвращения. Обратимся еще раз к врачу, и проблема решится. Я ей поверил.

Однако не это ночное разочарование было главной моей проблемой. Ею стал ритуал, нарушенный в то последнее утро с Ленкой. Когда я еще был землянином, мне не слишком нравились эти утренние ритуалы. Ну зачем тратить время, глядя в окно и потягивая обжигающие рот жидкости, готовить вкусности на горячих поверхностях, когда мир снаружи так свеж, так стремится прямо тебе в руки. Но моей жене нравилось проводить утро таким образом. Она в халате (почему не одеться?) готовила яичницу, ветчину, рогалики, чай (почему не взять пончик и чашку черного кофе по пути к метро?) и говорила о надеждах грядущего дня (мы пока не мертвы и еще не банкроты, три раза ура). Ну а я ей подыгрывал.

Почему бы мне не позволить привязать себя к этим сантиментам семейного быта, почему не расслабить напряженные мышцы, не помочь ей взбить яйца, время от времени бросая взгляды на ее тонкие лодыжки, пока она порхает по дому в своем ежеутреннем празднестве? Ленка жарила толстые ломти ветчины, не готовой, а купленной у мясника на углу, и от полосок мяса еще пахло живым животным. Она подносила их мне как дар, приглашая в свое безмятежное утреннее настроение, понимая мою жажду движения и готовность сразиться с миром. Она знала, что в этом и есть ее сила – она способна касанием, голосом, изгибами тела замедлить ритм нашей жизни до небрежного танца, усмирить биение моего сердца. Это было одним из пунктов нашего договора – ее грация и ветчина в обмен на мою податливость, и до тех пор я ни разу его не нарушил. До последнего завтрака на Земле с женой.

Тем утром я проснулся, ощущая знакомую тошноту, результат тренировок по антигравитационному погружению. Я закинулся парацетамолом и побрел на кухню, где на столе меня ждал завтрак. Ленка прихлебывала из огромной кружки и, держа ноутбук на коленях, работала над презентацией по бюджету.

– Остывает, – сказала она.

– Не сегодня, – ответил я.

– Что-что?

Она скрестила руки на груди.

– Не хочу сегодня. Не голоден.

Не сказав ни слова, она снова открыла свой ноутбук, что противоречило другому нашему договору – запрету на гаджеты во время еды.

Я сел за стол, отодвинул тарелку и выпил немного чая. Просмотрел в телефоне почту, не испытывая потребности оправдываться. В тот день мне не хотелось совершать утренний ритуал. Наша жизнь вот-вот должна была измениться, и притворство тут не годилось. Может быть, я был тогда нездоров, или до смерти перепуган, или слишком взбудоражен – так или иначе, я нарушил наш договор целиком и полностью, и теперь этого никак не стереть из истории нашей жизни. Спустя пару минут Ленка выбросила мой завтрак в мусорное ведро.

– Ну, как знаешь, – сказала она.

Возможно, я придал этому случаю слишком большое значение. А может, и нет. Но сегодня во время видеочата я собирался спросить Ленку, что она думает о нашем долгом молчании и унынии. Я скажу ей, что много размышлял о том утре. Спрошу, читает ли она газеты, предсказывающие вероятность моего возвращения. Расскажу, что в последнее время по ночам (или, если быть точным, в периоды сна, но доктор Куржак рекомендовал придерживаться концепции дня и ночи) плотоядно облизываюсь на тарелки со шкворчащей ветчиной.

Я хотел «Нутеллу» с ветчиной, сельдерей с ветчиной, мороженое с ветчиной. Хотел, чтобы ее кусочки лезли мне в нос, уши, сыпались между бедер. Хотел втирать ее в кожу и упиваться шикарными прыщами, которые у меня выскочат. Во время этого звонка я должен был вымолить у Ленки прощение за нарушение договора. Никогда в жизни я больше не откажусь принять что-либо из ее рук.

Этот звонок воссоединит нас. Запустит новую волну космической страсти, умножив сладость триумфа при завершении миссии.

Я занес в журнал данные по жизнеобеспечению и питанию, оставив за скобками свой пир из шоколадной пасты и сидра. Перенастроил «Ферду», провел внутреннюю диагностику, удостоверился, что фильтры устройства чисты и готовы принять подношения Чопры. Закончив приготовления, я убил некоторое время чтением любимого с детства «Робинзона Крузо». Доктор Куржак порекомендовал взять книгу с собой для создания «ассоциаций с комфортом». А скорее, доктор Куржак считал, что мне следует принять Крузо за образец человека, смирившегося с одиночеством и обратившего его деструктивные свойства в возможности для саморазвития.

Наконец сигнал центрального компьютера возвестил, что в Праге пять часов. Я разделся до черной футболки, повозил по щекам, подбородку и шее электробритвой, а машинка тщательно собирала щетину. При нулевой гравитации случайный волосяной фолликул может быть таким же опасным, как пуля на Земле. Стресс от надвигавшегося звонка Ленке весь день давил на кишки, но я терпел, чтобы не пришлось ходить дважды. Через Коридор 3 я вошел в туалет и активировал очистители воздуха. Вентиляторы заменили затхлый воздух на кондиционированный бриз с ароматом ванили. Я пристегнулся к унитазу и поднатужился, пока вакуум тянул меня за волосы на заднице и уносил прочь отходы.

Я еще почитал «Робинзона Крузо» – в конце концов, именно в туалете зародилась моя любовь к этой книге. В детстве я страдал от ежегодных приступов кишечного гриппа, выбивавшего меня из жизни недели на две, а то и три. И пока из меня, ослабевшего от бананово-рисовой диеты, лилась вода, я снова и снова читал об одиночестве Крузо. *Такова уж человеческая натура: мы никогда не видим своего положения в истинном свете, пока не изведем на опыте положения еще худшего, и никогда не ценим тех благ, какими обладаем, пока не лишимся их*³. Это был тот самый томик, который я читал в детстве, – пожелтевший и рваный, с пятнами от кофе, оставленными моим прадедом, укравшим его из дома нацистского штурмбаннфюрера, где его заставляли драить полы.

---

³ «Робинзон Крузо», пер. М. Шишмаревой.

Даже сквозь ваниль я уловил неприятный запах раздраженной нерегулярной едой, стрессом, диетой из переработанной пищи и замороженных овощей и хлорированной водой пищеварительной системы. Изучил растрепанный кустик волос, расплзавшийся к моим тощим бедрам. Когда-то там были мускулы, рельеф, высеченный годами бега и кручения педалей, теперь сменившийся бледным жирком, с которым не справлялись мои вялые упражнения на беговой дорожке. Я вытерся влажными одноразовыми полотенцами, натянул штаны и почистил унитаз.

Потом я вырядился в белую рубашку и черный галстук, те самые, что были на мне в последний романтический ужин на Земле. Сменил пятидневные боксеры на новые. Будучи землянином, я никогда не ходил на свидания, не сменив белье. Я бросил трусы в компостный желоб, еще одно последнее слово техники в космических полетах, где совместные усилия бактерий и мелкого органического мусора ничего от них не оставят. Так мне не придется тратить драгоценное место для хранения или вышвыривать грязные труселя в космос.

Я оглядел свое отражение в зеркале. Рубашка висела на тощих плечах, словно пончо. Галстук в некотором роде спасал положение, но ничто не могло придать здоровый вид моим рукам-палочкам и ввалившейся груди. Худоба фигуры соответствовала боли в костях. Круги под глазами кричали о ночных кошмарах и ускользающих образах длинных паучьих ног, крадущихся по темным коридорам, – я берег эту тайну от доктора Куржака и его жадных поисков безумия, не включая в отчеты. Если верить ЦУПу, у меня все в порядке. Хорошее сердцебиение, великолепные результаты психологических тестов, несмотря на разговоры с самим собой перед сном. ЦУПу виднее.

Я вплыл в Коридор 4, свою импровизированную гостиную, и пристегнулся к креслу перед источником развлечений и связи с миром – Панелью. Ее большой гладкий экран безукоризненно откликался на прикосновение, интернет-соединение обеспечивал спутник компании «СуперКолл» (крупнейшего провайдера беспроводной связи и спонсора миссии). Панель могла похвастаться коллекцией из десяти тысяч фильмов, от «Мальтийского сокола» до «Дрожи земли 3». Доступ к социальным сетям был ограничен – все коммуникации с внешним миром должны идти через ЦУП, затем через пиар-отдел, потом через аппарат президента и снова пиар-отдел, – но весь остальной интернет находился в моем полном распоряжении, со всей его поразительной способностью занять любой мозг на любую тему в любом месте, куда он смог протянуть свои вездесущие пальцы.

Я не мог не задаться вопросом: если бы мы раздали каждому голодающему и измотанному тяжелым трудом по самому простому ноутбуку и укутали земной шар теплым одеялом безлимитного Wi-Fi, разве не стали бы голод и труд куда приятнее? В самые тяжкие часы на «Яне Гусе 1», когда глаза уже болели от чтения и я чувствовал, как кто-то крадется у меня за спиной, стоило лишь отвернуться, я смотрел десятки видео с ленивцем Норманом – вальяжным, вечно улыбающимся существом, чей хозяин догадался нарядить его в джинсы-клеш и ковбойскую шляпу. Я улыбался выходкам Нормана и шепотом говорил с ним. Норман.

Над Гостиной гордо сияла синим огоньком разума одна из последних работающих камер наблюдения, подглядывая за моей жизнью.

Тридцать минут до сеанса связи. Я поиграл в пасьянс, провел рукой по щекам, проверяя, не оставил ли кустик щетины. Представил, как Ленка одевается для меня, натягивает на ноги гладкие колготки цвета кофе со сливками и останавливается чуть ниже ямочек в форме полумесяца на поясице. Я попробовал разные приветствия.

«Привет, любовь моя».

Или «Привет, божья коровка»?

Или просто «Привет, Ленка»?

Я произносил их с разными интонациями – выше, ниже, полупшепотом, мрачно, нежно, своим утренним голосом, голосом Дарта Вейдера, детским голоском. Все не то. Что я скажу дальше?

Теперь я люблю ветчину. Я хочу кормить тебя ею с руки, сидя на скамейке где-нибудь в Турции или Греции. В космосе у всего не такой вкус. Я скушаю по твоему вкусу.

Я напому ей о наших лучших днях. О том дне, когда мы ездили на озеро, курили травку под сенью дубов и мечтали о путешествиях. Мы обжимались в машине и вернулись домой как раз вовремя, чтобы съесть шоколадные круассаны и уснуть на постели, полной крошек, изляпав подбородки вином и слюной. Изнуренные солнцем тела и покрытые крупным песком лодыжки.

Или о том дне, когда мы пробрались в башню курантов и занимались сексом так яростно, что повредили национальное достояние.

Или о том вечере, когда мы поженились посреди моравского виноградника, босоногие и пьяные. Тогда нам не требовалось работать над счастьем. Оно просто было.

Вот оно. То, что прервет череду наших сдержанных, чужих разговоров. Я вдруг это понял. Может, она даже опять закроет шторку в переговорной кабине. Позволит снова увидеть отсвет синего на ее коже, как в джаз-клубе.

Из-под стойки в Гостиной показалась тень волосатых паучьих ног.

– Только не сейчас.

Мой голос дрогнул.

Ноги испарились.

Две минуты до звонка. Я закрыл все остальные окна и напряженно всматривался в экран. Позвонит ли она раньше? Даже несколько секунд дадут бесконечную надежду. Одна минута. Она должна позвонить сама. Мне нельзя выдавать свое отчаяние. Опаздывает на десять секунд. Нельзя сдаваться. Что-то с компьютером? Минута. Я глубоко дышал, показатель частоты пульса на браслете повысился. Две минуты. Черт. Я нажал на кнопку звонка.

Кто-то ответил. Вместо лица жены я увидел грязную серую шторку, натянутую позади пустого кресла.

– Ну? – сказал я в пустоту.

Шторку ухватила большая рука с рыжей порослью волос на костяшках и остановилась. Никто так и не показался, но я понял, что это Петр.

– Да, привет, я жду, – сказал я.

Рука отодвинула шторку, и я наконец увидел всего Петра, координатора миссии, в его обычной черной футболке. На предплечье поблекшая татуировка Iron Maiden, бритая голова блестит от пота, а на грудь спускается байкерская борода. Он сел и закрыл шторку. Мой указательный палец дрогнул.

– Якуб, выглядишь отлично. Как дела?

– Прекрасно. Ленка уже готова?

– Ты ел? – спросил он.

– Да, это есть в отчете. Где она? Сегодня же среда, верно?

– Да, среда. Как твоя тошнота? Лекарства помогают?

– Ты что, меня не слышишь?

Я скрестил руки на груди. Петр забарабанил пальцами по столу. Мы немного помолчали.

– Ладно, – сказал Петр. – Ладно. Я инженер, меня этому не учили. Тут у нас все на ушах стоят. Мы пока не поняли, что произошло.

– Что произошло?

– Ленка приехала на несколько часов раньше. Она была какая-то дерганая, не снимала солнечные очки. Мы посадили ее в комнату отдыха и дали кофе. Кое-кто пытался с ней пообщаться, но она только кивала в ответ. Куржак тоже немного поговорил с ней. А потом, за двадцать пять минут до твоего звонка, она просто встала и вышла в вестибюль, тамошний парень погнался за ней с вопросами, что случилось и не забыла ли она чего, а она просто сунула в рот сигарету и сказала, что ей нужно выйти.

– Она же бросила курить, – сказал я. – А, неважно. Когда она вернется?

– Понятия не имею. Она запрыгнула в машину, я побежал за ней. Она заблокировала двери, но машина не заводилась. Я просто стоял, Ленка мучилась с ключом, машина кашляла и глохла. Тогда она опустила окно и попросила подвезти ее. Я сказал, что сам приехал сегодня на велосипеде, но попрошу кого-нибудь наверху. А она вдруг расплакалась и сказала, что не может со всем этим справиться, и с чего она вообще решила, что сумеет, и это просто невероятно, что ты наплевал на свою жизнь. Она ударила по рулю, еще раз повернула ключ, и машина завелась. Тогда она дала по газам и умчалась, едва не проехав мне по ноге.

Я посмотрел в голубой глазок веб-камеры, последней работающей оптики, собирающей мои образы на корабле. Надо ли дать ей имя? Она так преданно меня изучала. Я благодарно постучал по ней пальцем.

– Вообще не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я сам не понимаю, Якуб. Может, у нее какие-то сложности? Я посадил ребят дозваниваться ей. Еще один звонит ее матери. Мы позвоним друзьям. Но она просто сбежала. Вот о чем я тебе говорю. Она сбежала из вестибюля, будто за ней гнался сам Вельзевул.

– Она бы так не сделала. Она знает, как сильно мне нужно слышать ее голос.

– Слушай, мы ее найдем. Мы выясним, что происходит.

– Она больше ничего тебе не сказала?

– Нет.

– Точно? Клянусь, если ты врешь, если это какая-то шутка, я...

– Якуб, твои жизненные показатели в полном раздразе. Сейчас тебе нужно сосредоточиться на миссии, на том, что ты можешь контролировать. У нее просто приступ слабости. Все будет в порядке.

– Только не говори, что мне сейчас нужно.

– Действуй по плану. Что ты собирался делать после звонка?

– Мастурбировать и читать.

– А, ну ладно, не надо мне об этом знать, но ты продолжай, как обычно. Сохраняй ясную голову.

– Не хочу.

– Съешь протеиновый батончик. Сделай кардио. Мне это всегда помога...

Я сбросил соединение и отстегнулся от кресла, стащил с шеи галстук и запустил его по Коридору 3, потом расстегнул и сорвал с себя рубашку. Голос Петра зазвучал в интеркоме, последнем оплоте насильственного доступа к моему миру.

– Ты на задании, Якуб. Сосредоточься. Для Ленки это нелегко. Пусть делает, что считает нужным.

Я нажал кнопку ответа.

– Я выживаю только благодаря этим звонкам. Сплю только благодаря им. А она больше не хочет мне звонить? Что это значит?

Я тосковал по Моцарту, мармеладным мишкам, ромовым бабам, теплу под Ленкиной грудью, где я мог согреть пальцы. Самым близким к этому утешением на корабле были три бутылки виски, которые космическое агентство неохотно позволило мне взять с собой. Я наклонил бутылку, окунул в нее палец и провел им по языку.

– Петр, ты знаешь, все эти месяцы и все эти километры я не могу избавиться от вульгарного чувства, что меня поимели.

Он молчал.

Тошнота подкатила как всегда внезапно, будто невидимая рука сжала спинной мозг и вцепилась в желудок. Ленка ушла. Сказала, ей нужно выйти. Где моя жена, женщина, являвшаяся мне в галлюцинациях, когда я пытался спать вертикально, женщина, к которой я должен вернуться на Землю? Куда делись десятилетия ужинов, болезней, занятий любовью и образы

наших сросшихся судеб? Он вошла в штаб-квартиру Космической программы Чешской Республики в солнечных очках и не дождалась разговора со мной. Сказала едва знакомому человеку, что ей нужно уйти. Будто я больше не существую.

Ленка меня бросила. Вот к чему привело молчание. Я правильно ее расшифровал.

Она уже уходила от меня однажды, в годовщину смерти моих родителей, когда я прятался в офисе, оставив ее в одиночестве после выкидыша. Но тогда мои ноги держала гравитация и я мог побежать за женой на станцию метро и умолять на глазах у всех пассажиров, ожидающих свой поезд. Мог сказать, что никогда больше ее не оставлю (да, теперь, плавая в космическом корабле, я понимаю, что солгал), и когда поезд пришел, она позволила мне поцеловать ее руку, взять чемодан и отвести домой, где мы начали переговоры о том, как чинить наш побитый жизнью союз. Здесь такой возможности не было. Каждый час я удалялся от нее еще на тридцать тысяч километров.

Я машинально направился в лабораторию. Внутри ее жизнь наполнена смыслом, там она измерена, взвешена и препарирована до мелочей. Я извлек из контейнера пластину со старым образцом космической пыли, сунул под микроскоп и попробовал сосредоточиться. Передо мной был геном Вселенной, планктон космоса, вода, обратившаяся в вино, и он шептался со мной, открывал свои тайны. Еще глоток виски, пока я рассматривал молочно-белые кристаллы силикатов, полициклических ароматических углеводов и вездесущего паразита – H_2O в твердой форме.

Конечно, именно ради этого я появился на Земле – чтобы собрать кусочки Вселенной, найти среди них нечто новое и бросить себя в непознанное, принести человечеству частицу Чопры. А уж какие там браки у меня не сложились, каких детей я не произвел на свет и не продолжил род каких-то там предков – все неважно, я выше земных забот.

Но это как-то не утешало. Я задвинул пластину с пылью обратно в контейнер.

Выходя из лаборатории, по-прежнему без рубашки, я снова заметил тень.

– Эй, ты, – сказал я.

И не в первый раз задался вопросом, чего ради обращаюсь к иллюзии.

Ноги дрогнули, чуть помедлили и скользнули за угол. Я прибавил хода. Слышно было, как ноги шаркают по потолку, словно скользящие по лобовому стеклу ветки. В конце Коридора 4 тень остановилась, убегать дальше было некуда. Я совсем не боялся, и это меня пугало. Я поплыл вперед.

Запах стал отчетливым – смесь несвежего хлеба, отсыревших в подвале старых газет плюс намеков на серу. Из его толстого бочкообразного тела выдвигались восемь ног, как колышки палатки. И на каждой по три сустава размером со спортивный мяч, ноги согнуты из-за невесомости. И лапы, и торс покрывала редкая серая шерсть, растущая беспорядочно, как бурьян. У создания было множество глаз, слишком много, не сосчитать – в красных прожилках, с радужками чернее космоса. Ниже глаз размещался комплект толстых человеческих губ, поразительно красных, как в алой помаде, а когда они приоткрылись, обнажились желтые, как у курильщика, зубы. Пока взгляд всех глаз зафиксировался на мне, я попробовал их сосчитать.

– Добрый день, – сказала оно.

И добавило:

– Покажи мне, откуда ты.

Падение в глубину

Мягко, но решительно инопланетное существо пробирается внутрь моего сознания. Оно видит все. Изучает меня до самого дна, до генетического кода. Кончики его лап ритмично подергиваются в моей голове, перебирая струны воспоминаний. Оно прошло по истории моего рода, по истокам нации, которая привела в космос и меня, и имя Яна Гуса. Ощущение не сказать чтобы неприятное. Мы вместе видим Гуса, Божьего человека, чье имя выгравировано на моем корабле, читающим наставления Джона Уиклифа с невысокой кафедры на площади перед Карловым университетом.

– Все народы Господни, – говорит он, – состоят из Божьих детей, они все были избраны для спасения, нельзя выделять из них только паству католической церкви. Божью милость нельзя купить, она не исходит из уст раздетого в золото старика. Религиозная организация – ловушка греха, обреченная на провал.

Гус вещает не с ненавистью, а спокойно, с хладнокровием пророка, наделенного знанием. Люди слушают. Студенты собираются вокруг с перьями в руках, речь трогает их сердца. Богемия должна быть свободной от тирании религиозных институтов.

Изображение изменяется. Существо выхватывает что-то еще. И видит мое падение.

Тот день я стараюсь не вспоминать, но инопланетное существо, перебирая нити памяти, проникает в самый центр моего сознания – 26 марта, весна после Бархатной революции. Мне десять лет. Тем утром мои родители по канатной дороге отправились из отеля в австрийских Альпах на гору Хоэр Дахштайн. В отпуске они наконец-то смогут побыть вдвоем до суда над отцом за роль, которую он сыграл как высокопоставленный член партии, то есть за пытки подозреваемых во время допросов. Родители рискуют усугубить обвинения, нарушая запрет суда покидать страну, но отец говорит, что брак не должен подчиняться прихотям судебной системы.

Пока родители наслаждаются альпийскими видами и, как я думаю, делают вид, что эти девственные горные пики способны отвлечь от ужаса предстоящего наказания, я провожу время в Стршеде с бабушкой и дедушкой. Дедушка ведет меня в сад, мы набираем полную корзину кислых яблок и немного клубники. Я съедаю четыре яблока, запивая их глотком колы и на десерт добавляю клубники со сливками. Вылавливаю под крольчатником пауков, бросаю их жестоким курам и смотрю, как те клюют, отрывая лапу за лапой. Никто не хочет говорить со мной о будущем. Никто не хочет сказать, что случится с моим отцом и почему не спит мама, почему ее лоб так пахнет вином и когда мы прекратим смотреть каждый выпуск новостей на каждом канале, как будто чья-то цепкая лапа в любой момент может дотянуться до кого-то из нас и схватить за горло. Для моих вопросов нет места.

Родители должны вернуться в понедельник. Ранним поездом дедушка отвозит меня в Прагу, в школу. Я целый день мечтаю об австрийском шоколаде и вкуснейшей салями, которые привезут мне родители.

Я ожидаю в школьном вестибюле у окошка вахтера, когда родители меня заберут. В четыре часа ко мне подходит пани Шкопкова, руки сложены за спиной, губы белые. Тихим голосом она говорит, что случилось несчастье. Теперь родители не смогут меня забрать.

– Когда же они придут? – спрашиваю я.

Пани Шкопкова извиняется передо мной, я спрашиваю за что, а она в ответ спрашивает, не нужно ли мне чего. Дедушка пришлет за мной такси. Я отвечаю, что хочу шоколадку.

Она надевает пальто. Через десять минут возвращается с плиткой «Милки» в руке. На обертке фиолетовая корова Милка пасется на лугу перед альпийскими горами. Пани Шкопкова опять извиняется. Перед уходом она говорит, что рухнула канатная дорога. Твои родители... Вахтер бросает на меня взгляд поверх своего кроссворда.

Меня забирает старый таксист, пахнувший блинчиками. Его руки дрожат на руле. Два часа мы едем в Стршеду, а когда я спрашиваю, не знает ли он чего об обрушении канатной дороги в Альпах, он прибавляет звук радио.

У ворот нас ждет дедушка, дает старому водителю денег, забирает мой портфель. Я держу в руке пустую обертку от шоколада. Дедушкины седые усы повисли, щеки ввалились, а глаза едва приоткрыты. Дома бабушка пьет за столом сливовицу и курит. До тех пор я ни разу не видел, чтобы она курила. Шима спит у нее под ногами, он легонько виляет хвостом при виде меня, но сейчас же снова закрывает глаза, чуть вздыхает, словно зная, что сейчас не время для радости. Бабушка целует меня в губы. Я иду к дивану, ложусь и слушаю их голоса сквозь ритмичное тиканье проклятых часов, нарушающее покой клубов дыма.

Дед и бабушка по очереди объясняют. Ранним утром мои родители сели на ту канатку, чтобы ехать на вершину горы Хоэр Дахштайн. Я смотрю в потолок, вспоминаю восторженные рассказы отца о канатных дорогах. Канаты свиты из десятка стальных струн с пенькой посередине. Я представляю, как за окном вагона шевелятся отцовские губы, объясняющие все это маме, а она любит тонушими в утреннем тумане громадинами-альбиносами впереди. Где-то там, на линии, лопается струна. И еще одна. И еще. И вагон повисает в воздухе, а потом его захватывает земное притяжение.

Под влиянием ежевечерних просмотров комедий с Лорелом и Харди вагон в моем воображении падает очень медленно, люди скользят взад-вперед, хватаясь друг за друга, кружат в смертельном вальсе. Леди и джентльмены, держась за руки, обмениваются старорежимными фразами типа «о боже мой» или «более никогда». Но такая безмятежность падения, невесомый вальс, прерывается – вагон набирает скорость. Джентльмен случайно касается талии дамы, и затянутой в кожаную перчатку рукой она награждает его пощечиной. Вагон раскачивается, пассажиры хватают друг друга за юбки и галстуки, стаскивают брюки и парики – фарс из немого кино. Не знаю точно, как они умирают, эти актеры, пробивают ли кости их плоть, может, позвоночники и черепа ударяются об острые края черной скалы и раскалываются.

Мы сидим в гостиной, и бабушка поет песню, которой я никогда не слышал, про юношу, покинувшего плантацию хмеля, чтобы встречаться с девушкой из большого города, в конце концов он завоевывает ее сердце, сварив пиво из хмеля, который мать дала на дорогу. Дедушка курит, потягивает из теплой бутылки и кашляет. Шима скулит, просит поесть. Я все еще держу обертку от «Милки». Бабушка что-то говорит мне, но я не могу разжать пересохшие губы, не могу припомнить ни единого звука, ни одной буквы алфавита. Я смотрю на обертку, ищу родителей в том снегу. Потолок по углам потрескался, и из трещин выползают пауки-сенокосцы.

Так проходит два дня. Я двигаюсь, только чтобы мочиться в ночной горшок, который бабушка поставила возле дивана. Я слышу, как Шима лакает из него, когда никто не смотрит. Бабушка пытается меня покормить, но я не могу открыть рот. Она смачивает мне губы водой. Дедушка растирает мои ладони и ступни мозолистыми пальцами с желтоватыми пятнами. Я держу обертку от «Милки». Когда дед и бабушка собираются спать, они укутывают меня одеялом, а Шима с мокрыми от мочи усами устраивается в ногах. За это я люблю его еще больше. Дедушка засиживается допоздна, посмотреть футбол и те американские фильмы, которые теперь показывают все кабельные каналы. Он знает – краешком глаза я тоже смотрю кино, ненадолго отвлекаясь от поисков тел, поворачиваю голову, чтобы лучше видеть мужчину в фетровой шляпе, который шепчет что-то красивой блондинке. Сияющие волосы и нежелание смотреть мужчине в глаза ее выдают – у нее есть тайна.

Движения губ не совпадают со словами на чешском, которые они произносят. Каждый день к нам приходят соседи, говорят о Боге и утешении, но бабушка останавливает их на пороге, негромко благодарит. Он был таким хорошим мальчиком, говорят они о моем отце. Я держу обертку от «Милки», представляя, что стою среди тех австрийских гор, и от холода у меня течет из носа, колет губу. Мои пальцы черные и неживые. Мир слишком огромен, в

нем столько мест, где гибнут люди. Что проку в нем от меня, тощего мешка острых косточек и гниющего мяса? Родителей найти я не могу.

На четвертый день от меня, как и от дивана, воняет псиной, стиральным порошком и пролитым кофе. Икры сводит судорогой, желудок как будто выпотрошен. Бабушка надевает черное платье, и румянец играет у нее на щеках, а губы дрожат в одном ритме с блестящими сережками-крестиками. Бабушка не любит Бога, но любит кресты. Дедушка стоит надо мной, на нем черный пиджак и брюки – шокирующая замена его обычному гардеробу из заляпанных комбинезонов и старых армейских курток. В руках у него тарелка с цыпленком-гриль, хлебом и маслом.

– Тебе нужно встать и поесть, – говорит он.

Мой взгляд прикован к трещинам на потолке, пальцы скрючились от желания содрать пласты штукатурки. Правую ногу сводит судорога. Стиснув зубы, я игнорирую боль.

– Можешь не ходить на похороны, но ты должен поесть, – говорит он.

– Их нашли? – спрашиваю я.

– Их и не теряли. Нужно было время, чтобы привезти их из Австрии. Ты подумай, хочешь ли пойти с нами на похороны. Ничего страшного, если не хочешь.

Получается, я напрасно искал тела. Дедушка позволяет мне несколько минут помолчать, а потом заставляет открыть рот и сует туда кусок курицы. Забирает из моей руки обертку от «Милки» и бросает в холодную печь. Я жую, соленое мясо вкусное до слез.

– А теперь нужно встать, – говорит мне дедушка. – Ты должен быть человеком.

Я сопротивляюсь, отвергаю вторжение, тварь отпускает нить моей жизни, и мы возвращаемся к Яну Гусу. Король Венцеслав больше не защищает его, церковь официально объявила Яна Гуса еретиком – несмываемое клеймо, как родимое пятно. Римляне считают богемцев нацией еретиков. В простой белой рясе Гус взбирается на чубарую недокормленную конягу. Король Римской империи и наследник короны Богемии Сигизмунд обещал Гусу безопасный проезд и жилье, если тот предстанет перед высшими священнослужителями, объяснит им свое предательство.

Предчувствует ли Гус обман? Невозможно сказать – его взгляд всегда устремлен вперед, он как будто видит чудеса за гранью реальности, будто может проникнуть туда, узнать скрытые истины. В Констанц Гус прибывает целым и невредимым, селится в доме вдовы. Ее длинные темные волосы спускаются до колен, а в глазах стоит разочарование погибшей любви. Она никогда не смотрит Гусу в глаза, говорит с ним строго, как с непослушным мальчиком. Она готовит для него овощной суп, и Ян, стараясь не пачкать бороду, макает в него хлебные корки. Он рассказывает вдове о том, что ни одна земная организация не способна обеспечить подлинного спасения.

Его вера не будет никому предписана или навязана. Те книги, которые он любит и ненавидит, нельзя сжечь. Его народ не очернит себя алчностью. Гус проповедует в Констанце вопреки приказам властей – его убеждения и порывы неподвластны инстинкту самосохранения. Когда Гуса забирают в тюрьму, вдова целует его. Те, кто его судил, поставили ему на лоб знак – ересиарх. Предводитель еретиков.

Семьдесят три дня он проводит в подземелье замка со скованными руками и ногами, ест серый от плесени хлеб. Священники плюют на него на допросе, требуют отречения, но он отказывается. Человек свободен, бросает он им в ответ. Свободен ходить под Богом.

Его приговаривают к смерти.

Палачи с трудом поддерживают огонь, точнее, тело Гуса не спешит загореться. Желая помочь, старушка из публики подбрасывает охапку хвороста, чуть поддержав бессильное пламя.

– Sancta simplicitas! – восклицает из огня Гус, его ступни краснеют.

«Святая простота».

При сорока четырех градусах Цельсия белок в клетках тела, известного как Ян Гус, начинает разрушаться. Температура растет, и верхние слои кожи отслаиваются как на колбасках. Нижний, более толстый кожный слой твердеет и лопается, паста желтого жира вытекает наружу и с шипением выгорает. Мышцы пересыхают и коченеют. Затем неизбежно сгорают кости, как будто твердое основание человека есть не душа (ее нигде не видать), а этот хрупкий каркас. И вот Ян Гус мертв. Когда-нибудь его именем назовут космический корабль.

А тварь опять взялась за меня. Я снова на том же диване. Дед с бабушкой одеты для похорон. В руках я держу тарелку, которую дал мне дедушка, ем курицу, макаю хлеб в жир, а затем пальцами подбираю крошки.

– Я не пойду, – говорю я.

Дедушка забирает тарелку и поднимает меня, сжимает так сильно, что я ощущаю, как еда движется внутри тела. Он ставит меня на ноги, а бабушка целует, я чувствую на ее губах вкус жира и спиртного.

За долгие часы их отсутствия тишина в гостиной меняется. Я там один. Шима вынюхивает мышей во дворе. Часы, механические и мертвые, непреклонно тикают. Стальные тросы лопаются один за другим, кабина подъемника на миг зависает в воздухе, прежде чем начать падать. Я включаю телевизор, шестичасовые новости. Малый бизнес расширяется, коммунисты давно изгнаны, и мы свободны жить как хотим. Свободны путешествовать и целоваться, свободны хранить молчание, пока кабина подъемника падает все ниже и ниже, пока мы не станем вольны умереть. Свободны быть тем, кем хотим. Дед с бабушкой возвращаются в семь, я в том же кресле, не помню, как я сюда попал, не помню, что собирался делать... и вдруг опять становлюсь одиноким обитателем «Яна Гуса 1» и, взмокший от пота, гляжу на своего визитера.

– Sancta simplicitas! – говорит существо. – Тебя-то я и искал.

Тайны человечества

– **Тощий человек**, – произнесло существо.

Я молча разглядывал пустую бутылку из-под виски.

Слова не проходили через мой ушной канал, не колебали барабанную перепонку, не наполняли череп, как человеческий голос. Звук походил на ноющую боль, легкий ступор.

Я повернулся и поплыл вперед. От давления на виски перед глазами мелькали зеленые и синие пятна. Если бы я шел, то, несомненно, шатался бы от стены к стене, нащупывая дорогу как пьяный или слепой. Но отсутствие гравитации позволяло передвигаться плавно, и, не оглядываясь, не признавая дыхание и шорох позади, я вернулся в Гостиную, пристегнулся в кресле перед Панелью и принялся зачарованно рассматривать, как виски скользит в моем космическом стакане, сделанном в форме топливного бака космического корабля: острый край понизу, круглый сверху, чем-то напоминает человеческое сердце. Жидкость плавала в нем хаотичными пятнами, пока я не высосал ее, выпустив в свой кровоток.

Спиртное распалило мой гнев, я стал рабом, лишившимся оков, согнулся, чтобы ухватить поводья «Яна Гуса 1», этого великолепного стального зверя, и врезаться на нем в породившую меня планету. Труд, изоляция, физическое истощение – я вынес все, чтобы моя жена взяла и просто исчезла. Я замыслил конец света. Каким-нибудь образом я превращу «Яна Гуса 1» в разумный метеорит, разверну его и направлю прямо к Земле. Я как-нибудь избавлюсь от влияния законов физики, прорвусь сквозь атмосферу и подожгу планету. Мое обугленное тело оживет, и я найду Ленку. Посажу ее с чашкой кофе посреди апокалипсиса и спрошу, о чем она думала, когда проснулась однажды утром и поняла, что хочет уйти, что бы это ни значило.

Любовь может превратить нас в военных преступников. Панель ожила, показав три непрочитанных сообщения, одно из них – напоминание, что через час начнется моя сессия вопросов-ответов в прямом эфире с избранными землянами. Трансляция моего общения с обычными гражданами – детьми в футболках с моим изображением, женщинами, называвшими мою жену «счастливицей», людьми, которые задают простые вопросы вроде «пью ли я пиво» и «как я справляюсь без души». Техники сглаживали мои изможденные космосом черты, так болезненно подчеркиваемые высоким разрешением, накладывали фильтры и ретушь, чтобы кожа выглядела свежей и натянутой, ибо чего стоит герой, теряющий привлекательность?

– Я пас, – ответил я на напоминание Петра.

– Тощий человек, ты уже признал мое существование, – продолжило существо. – Неразумно с твоей стороны снова его игнорировать.

Я запустил бутылку из-под виски дрейфовать, но с куда большим удовольствием расколотил бы ее о стену.

– Сочувствую насчет твоего партнера женского пола. Похоже, ваши социокультурные ритуалы конфликтуют с биологической реальностью.

Я посмотрел на него. Голос был тонкий, похожий на детский, но каждое слово сопровождалось низким рычанием, будто у неисправного радио. Зубы стиснуты в судорожной ухмылке, все глаза моргают одновременно.

– Что это было?

– Прости, что?

– Что ты со мной делал? Я это чувствовал.

– Я путешественник, – ответило существо.

– Доктор Куржак будет в восторге, – заметил я. – Это полностью соответствует его ожиданиям. Переживание старых травм, персонификация страхов, вот ведь сволочь.

– Как бы ты ответил? – спросило оно.

– Никак.

– Да. Твой разум кишит такими ответами. Пусть бурен рек водоворот, но у плотины свой расчет. Так написал один земной поэт.

– Меня мучают газы. Я вымотался.

– Чрезвычайно важно, чтобы мы говорили друг с другом.

– Мне надо поспать, и ты пройдешь. Как боль в животе.

Я выбрался из кресла и поплыл по Коридорам 2 и 3 обратно в свою каюту, где ждала Утроба, космический мешок. У многих чешских детей имелась ее копия, только горизонтальная, спокойно лежавшая на их кроватях. Я пару раз оглянулся – убедиться, что существо следует за мной, все восемь ног плавно гребли туда-сюда, туда-сюда, как весла на древней военной галере. Похоже, оно могло удерживать направление и высоту, невзирая на невесомость, будто не подчинялось законам физики. Секунду я разглядывал его анатомию во всех подробностях: размер суставов, округлость живота, темную радужку множества глаз, смотревших в одном направлении. Интересно, а могли ли они иначе, обеспечивает ли нервная система контроль над каждым по отдельности? Глаза смотрели на меня, всегда только на меня, и я потряс головой и попросил самого себя прекратить это исследование воображаемой сущности.

Доктор Куржак был экспертом по галлюцинациям – вообще-то, он как-то признался, что мысль о них вызывает у него головокружение. Он очень старательно объяснял разницу между галлюцинациями – восприятием в отсутствие стимулов, которое тем не менее имеет свойства реального, – и бредом, когда к правильно воспринятым стимулам либо реальности, если так можно выразиться, добавляется дополнительное, искаженное значение. В поисках бредового восприятия, хихикал доктор Куржак, посмотрите на Кафку. Фрейдистские теории предполагают, что галлюцинации – это проявление подсознательных желаний, извращений, даже самобичевания, а более свежие течения среди менее одержимых «эго» психологов утверждают, что галлюцинации связаны с метакогнитивными процессами, или «знанием о знании».

Доктор Куржак был правоверным фрейдистом и потому настаивал, что если во время моего пребывания на «Яне Гусе 1» случится кризис, вся мифология моего детства тут же польется наружу, заполняя темные помещения корабля видениями ужаса, страха, удовольствия, обнаженного тела матери, возбужденного фаллоса отца, снами об извращенном насилии, и да, возможно, даже воображаемым другом. Какой бы ни была теория, мое положение оставалось тем же, а предсказания доктора Куржака о грядущем безумии, похоже, сбывались.

Конечно, мне следовало бы дотронуться до существа. Галлюцинации не потрогаешь, они рассеются. Но что, если я запущу пальцы в тонкие волосы на его ногах и почувствую их, жесткие и длинные или, может быть, гладкие и теплые, почувствую и тем самым провозглашу настоящими? Готов ли я, Якуб Прохазка, признать существование инопланетянина, не растеряв остатков контроля над психикой? Последствия этого открытия – экзистенциальные, космические, беспрецедентные в истории человечества – слишком велики для меня одного. Я скользнул в спальный мешок и застегнул ремни вокруг ног и плеч, выкрутил переключатель света, и желтый оттенок в комнате сменился на глубокий темно-синий. Даже этот слабый свет раздражал глаза, и я застегнул молнию на лице, вздохом приветствуя темноту.

– Тощий человек, в данный момент я очень нуждаюсь в твоём внимании, – сказала существо.

– Исчезни.

– Я ученый, исследователь, как великий Колумб твоего народа.

– Не так уж он был велик.

Мне казалось более подходящим говорить с существом, закрыв лицо. Я всего лишь человек, болтающий сам с собой под одеялом – такое встречается не реже, чем пение в душе. И что такого, если нечто мне отвечает?

– И что ты исследуешь? – спросил я.

– Я вращался по вашей орбите. Изучал тайны человечества. Например, вот это вот ваше предание мертвой плоти земле. Я бы хотел собрать подобные истории для развлечения и образования своего племени.

– Я определенно прошел точку невозврата.

– Кардиоваскулярный орган, управляющий твоими биологическими функциями, вибрирует неравномерно – полагаю, это плохой знак. Я оставлю тебя в покое, тощий человек, но скажи мне, есть ли в кладовке твоего корабля яйцеклетки пернатых? Я много слышал о них и хотел бы насладиться поглощением.

Я решительно закрыл глаза. В одном из видео, которые я смотрел во время подготовки к полету, отставной китайский космонавт сказал, что после возвращения процесс засыпания на Земле стал совсем иным. В космосе сон – естественное состояние. Поскольку окружающая среда невосприимчива к действиям человека – вакуум не терпит попыток завоевания, – жизнь становится траекторией из самых простых задач, направленных на чистое выживание. В космосе мы строчим отчеты, чиним оборудование, боремся с грязным бельем. Ни сексуального интереса, ни страха перед утренней презентацией на работе, ни автомобильных аварий. Чем ближе к звездам, тем более контролируемой и скучной становится рутина. Тот старый астронавт сказал, что в космосе ты спишь сном младенца. Таким безмятежным, что хочется сосать палец.

Но сон не приходил. Я достал из внутреннего кармана Утробы бутылочку «Сладких снов», мощного снотворного, разработанного ведущей фармацевтической компанией «Латурма», спонсором миссии. Использовать его разрешалось только в случае бессонницы, угрожающей прервать жизненный цикл астронавта, – злоупотребление могло привести к головокружениям, спутанности сознания и зависимости.

Поскольку я уже страдал двумя первыми симптомами, а третий совершенно меня не волновал, то принял тройную дозу, размазал горькую жидкость по языку и проглотил, слегка поперхнувшись. Через несколько секунд кончики пальцев онемели, мысли начали разбредаться. Проваливаясь в сон, я все равно чувствовал присутствие существа, напряжение в висках не проходило, хотя существо не могло меня видеть. Я винил в этом влияние химии на мозг, но не мог отрицать – секунду, прямо перед тем, как потерять сознание, я был рад. Рад тому, что существо, реальное или нет, здесь, со мной, ищет на кухне яйца.

Я проснулся в темноте Утробы, но не мог пошевелить даже пальцем. Я как-то очень остро чувствовал позвоночник, змею из позвонков, скреплявшую меня, и представлял, что было бы, если бы кто-то вытянул его, как волокно из сыра-косички. Вылезут ли кости из моей плоти, не развалится ли самосознание на кучку совершенно свободных частей? Воспринимают ли парализованные люди свой позвоночник таким же образом? Я ощутил ужас за них. Существо снова брэнчало, вызывая непрошенные мысли, но я ничего не мог с этим поделать, только принимать их, принимать, пока паралич не пройдет и меня снова не защитит дремота.

Существо нащупало его. Момент, заставивший меня подскочить.

Через семь лет брака я опубликовал свои открытия в области частиц внутри колец Сатурна, первый ощутимый результат моей одержимости космической пылью. Я ездил по Европе с лекциями и получил довольно сытную должность доцента кафедры астрофизики в Карловом университете. Спустя четыре года меня вызвал к себе сенатор Тума, чтобы «сделать предложение». Я пришел в черном галстуке и новом вязаном жилете, в полной уверенности, что правительство намерено отметить мои достижения грантом или наградой.

Тума принадлежал к новому поколению сенаторов. В то время как старая гвардия скрывала пивные животы под плохо подогнанными костюмами, боролась с лысынями, надевая очки покрупнее, и сваливала на стресс вину за свой алкоголизм, Тума был убежденным вегетарианцем, тяжелоатлетом и умелым оратором. В тот день, когда сенатор говорил со мной, он уже во

второй раз привлек внимание прессы. Утром арестовали за коррупцию министра внутренних дел, и оппозиция атаковала коалиционное правительство за попытку замять скандал, откупившись от свидетелей.

Как член одной из коалиционных партий, Тума сделал заявление на ступенях Пражского районного суда, посыпая голову пеплом. Старомодный жест, обращенный к чехам, предпочитавшим консерватизм неопределенности прогресса, а символы – настоящей искренности. С серыми пятнышками на щеках, волосах и плечах Тума объявил, что чешская политика превратилась в кормушку для жадных свиней, подонков и обычных воров. Держа руку на сердце, Тума поклялся перетряхнуть коалицию изнутри. Я не особенно интересовался политикой.

Тума вошел в офис и стряхнул пепел носовым платком. Его помощница принесла влажное полотенце и банку диетической колы. Не вытерев мокрые брови и не сняв посеребренный костюм, Тума оглядел меня. Я рассмеялся, когда он сказал, что страна развивает космическую программу. Он тоже засмеялся и налил мне немного колы, спросив, не добавить ли туда ром или ликер. Я отказался.

Тума подошел к столу у окна и сдернул занавеску, скрывавшую что-то высокое и тонкое. Ткань упала, открыв три толстых цилиндра, соединенных плоскими панелями, по бокам десятков солнечных батарей с прекрасным темно-синим покрытием. Вся модель напоминала насекомое из эры динозавров, когда природа одновременно была и более креативной, и более прагматичной. На среднем цилиндре красовался государственный флаг – синий треугольник, символизирующий правду, и две горизонтальные линии, красная обозначала силу и отвагу, белая – мир, – а рядом с ним слова «Ян Гус 1». Я спросил, можно ли потрогать, и Тума с улыбкой кивнул.

– Конечно же, мы не можем себе это позволить, – сказал я.

Но мы могли. Тума зачитал длинный список корпоративных партнеров, желающих прожигать капитал на спонсорстве. Завтра он представит план миссии в парламенте. Швейцария готова продать недостроенный корабль, который ей больше не нужен.

– Хотите, чтобы мы попробовали добраться до облака Чопра, – сказал я.

– Конечно, хочу.

– Хотите, чтобы мы отправились первыми. Даже если можем не вернуться.

– Но Грегор-то вернулся, и посмотрите, какой он бодрый!

Тума провел пальцем по цилиндрам, испытующе глядя на меня. Детский голос внутри подталкивал меня схватить корабль, выбежать из офиса и найти тихий уголок, где я смогу восхищаться им в одиночестве.

Тума вернулся за свой стол и кашлянул.

– Мы восстали против Австро-Венгрии, когда она пыталась жечь наши книги и запрещать наш язык. Мы были индустриальной супердержавой, прежде чем Гитлер принял нас за рабов. Мы пережили Гитлера, чтобы встретиться с экономическим и интеллектуальным опустошением Советов. И вот мы здесь, живые, суверенные, богатые. Что дальше, Якуб? Какие у нас перспективы, что определит наше будущее?

– Я слышал, что в следующем году цены на молоко пробьют потолок, – сказал я.

– Ха, да вы скептик! Люблю скептиков. Благодаря им демократия остается честной, но они не всегда мыслят масштабно. Мыслите шире. Что делает страну великой? Благополучие, армия, медицина для всех?

– Оставляю этот вопрос профессионалам.

– Величие нации определяют не абстракции, Якуб. Его определяют картинки. Истории, передающиеся из уст в уста и по телевидению, увековеченные интернетом, истории о новом парке, о накормленных бездомных и о ворах, арестованных за кражу у добрых людей. Величие нации – в ее символах, жестах, в беспрецедентных свершениях. Вот почему Америка начала отставать – они построили государство на идее новизны и инноваций, а теперь лучше будут

сидеть и молиться, чтобы мир не слишком сильно давил на них, заставляя адаптироваться. Мы не станем брать пример с американцев. Мы не станем брать пример ни с кого. Мы возьмем этот космический корабль и отправимся к Венере. Мы – нация королей и первооткрывателей, и тем не менее дети за океаном до сих пор путают нас с Чечней или сводят наши великие достижения к пиву и порнографии. Через несколько месяцев каждый ребенок будет знать, что мы единственные обладаем возможностью изучить самый невероятный научный феномен этого столетия.

Я сохранял безучастное выражение лица, не желая, чтобы он понял – я у него на крючке. Не сейчас.

– Вы считаете, общественность согласится? – спросил я.

– Чего больше всего хочет наш народ прямо сейчас? Знать, что мы не марионетки Евросоюза, американцев или русских. Знать, что политики принимают решения в пользу народа, а не бизнесменов или иностранных правительств. Люди жаждут роста. Мы победили коммунистов уже несколько десятилетий назад, Якуб, нельзя вечно катиться на этой волне. У нашей республики никогда не будет сельского хозяйства Латинской Америки или природных ресурсов Украины. У нас нет военной мощи США или монополии на рыбу скандинавов. Как нам вырваться вперед? Идеи. Наука. Стране нужно будущее, и я не успокоюсь, пока не обеспечу его.

Я потягивал колу и рассматривал кабинет. Ни одного предмета не на месте, будто никто не брал в руки эти хоккейные трофеи, фотографии жены, никто не дремал на кожаном диване у окна, выходящего на центр Праги. Кабинет был таким же аккуратным, как жизнь его хозяина.

– А от меня что требуется? Совет?

– Насколько я понимаю, передо мной сейчас сидит, вероятно, самый компетентный исследователь космической пыли в Европе. Вы открыли совершенно новую частицу жизни! Это же потрясающе!

Вошла его помощница с тарелкой чесночного супа и блюдом с кровяной колбасой, жареными картофельными крокетами и ароматизированным хреном. Сенатор накинулся на колбасу, и жир капнул на его пепельный галстук.

– Совет – это, безусловно, хорошо, Якуб, но нам нужно больше. – Он отложил столовые приборы и принялся мерно жевать, ухмыляясь моей руке, нетерпеливо стучавшей по колену. – Мы хотим, чтобы вы стали первым чехом, который увидит Вселенную.

У меня закружилась голова. Я отпил колу, жалея, что отказался от спиртного.

– Вы же вегетарианец, – напомнил я.

– В своем кабинете я просто человек. Уверен, вы сохраните мою тайну. Уверен, мы будем доверять друг другу. Что думаете о моем предложении?

– Трудно поверить хоть одному слову.

– Удивительно, но дело не только в ваших открытиях на Сатурне, Якуб. Я знаю, кто вы. Мы с вами должны сделать это вместе. Ваш отец был коллаборационистом, преступником, символом того, что до сих пор преследует наш народ. И как его сын вы – движение вперед, прочь от истории нашего позора. Якуб Прохазка, сын убежденного коммуниста, яркий пример перековавшегося коммуниста (вы ведь не коммунист, так? Замечательно). Человек, оплакавший смерть родителей, выросший в скромном селе на скромную пенсию бабушки и дедушки и вопреки всему явивший миру свой блестящий ум, ставший лучшим в своей области. Воплощение демократии и капитализма, и в то же время скромный слуга своего народа, искатель истины. Человек науки. Я хочу, чтобы чех отправился в космос, и этим чехом станете вы, Якуб. Европа будет насмехаться над нами, налогоплательщики возопят. Но в этом – будущее, значимость нашей страны, и мы сможем продать его, если вы будете на упаковке. Космонавт из Праги. Воплощение преобразенной нации, несущее наш флаг в космос. Вы это видите?

Я видел. Видел и согнулся пополам, когда что-то громко застонало у меня в животе.

Клыки сенатора вновь вонзились в свинину, от хрена на лбу выступила испарина. Этот громкий, оживленный, краснощекий Тума разительно отличался от своего телевизионного двойника, и я подумал – передо мной человек, который каждый раз надевает новую личину перед тем, как войти в комнату, не следует ему доверять. Но я все равно ему поверил.

Я расправил плечи и откашлялся, усилием воли заставил остановиться трясущуюся на колене руку, отяжелевшую от судьбы, предложенной этим незнакомцем. Понизив голос, чтобы соответствовать серьезности момента, я сказал:

– Охренеть.

Через три дня правительство почти единогласно одобрило миссию. Через неделю я уже рассматривал каркас «Яна Гуса 1», на боку которого еще красовался швейцарский белый крест в море красного. Я обменялся рукопожатиями с человеком с татуировкой Iron Maiden. Через два месяца мир уже узнал, кто я и куда направляюсь. Постройка шаттла завершилась. На его открытии Ленка в черном платье жала руку президенту. Она грациозно вела беседу, пока меня тошнило в туалете. А через полгода я проснулся на борту «Яна Гуса 1».

Отстегнувшись от Утробы, я направился в Коридор 2, где меня ждала мерзкая беговая дорожка. Я не слышал движения существа в переходах и решил, что, возможно, наконец-то очнулся от этого сна. ЦУП требовал от меня тренироваться два часа в день, чтобы замедлить потерю костной массы, но в последнее время я все меньше времени уделял беличьему колесу, предпочитая торчать в лаборатории. Я вытащил прикрепленные к стене ремни и надел их на плечи, опустившись на маленькую серую подушечку под ногами. Одна радость была от этого тренажера – на нем я чувствовал себя так, словно опять иду по дорогам Земли.

Я начал с разминочной ходьбы, потом настроил скорость. Ослабевшие икры пронзило напряжение, и я громко выдохнул, чтобы больше не думать о существе, об исчезнувшей галлюцинации. Я бегал до тошноты, чтобы не думать о Ленке, не вспоминать форму ее точеного носа. Целый час я тренировался, а потом снял ремни. Глаза щипало от пота, а от него разлило виски. Я вернулся в спальный отсек, чтобы умыться и переодеться.

Существо было там, вместе со странным запахом. На его лапах, как на живых вешалках, висела моя одежда, голова и одна лапа утонули в шкафу, рылись там, скреблись.

– Прекрати, – сказал я.

Существо обернулось – губы сжаты, глаза бегают между мной и контрабандной одеждой на его лапах. Оно вернуло мои спортивные штаны и рубашки обратно в шкаф.

– Я увлекся исследованием и забыл пронаблюдать за твоими передвижениями. И мне стыдно, тощий человек.

– А я думал, что ты исчез. Что тебя прогнал сон.

– Ты желаешь, чтобы я ушел?

– Не знаю. Что это ты делаешь?

– Ищу. Ищу пепел твоего предка.

– Ты опять меня... изучал. Я это почувствовал.

– Приношу извинения. Не мог с собой ничего поделать. Ведь исследователь не может оставить исследуемый объект неизученным, ты согласен? Но я хотел бы иметь твое разрешение, тощий человек. Разрешение изучить тебя.

– То, что здесь лежит, не твое. Больше так не делай, я против.

Из динамика раздался голос Петра.

– Нам нужно поговорить, – с некоторым напряжением произнес он.

Я пробормотал слова признательности за это вмешательство и, покинув инопланетное существо, поплыл в Гостиную, пристегнулся перед Панелью и принял вызов Петра.

– Слушай, – сказал он. – Ребята из пиар-отдела недовольны тем, что ты отменил сеанс видеосвязи. Куча народа ждала очереди поговорить с тобой.

– Я не мог. Не сегодня.

– Я сказал им, что приму удар на себя. Из-за Ленки, и все такое. Но тут есть еще кое-что – воздушные фильтры уловили чужеродное вещество. И не могут определить, что это. Ты не видел ничего необычного в Коридоре 3? Или где-то еще?

Я взглянул на шахту фильтра в проходе, а потом на инопланетянина, плывущего в направлении кухни.

– Ничего, – сказал я.

– Ладно, выполним очистку, для безопасности. Протокол ты знаешь.

Я отправился в лабораторию. Чтобы избежать загрязнения образцов, помещение работало на отдельном фильтре и поэтому могло стать безопасным укрытием при аварийной очистке. Проплывая мимо кухни, я увидел, как существо уткнулось головой в морозилку и копается в пакетах с фруктовым льдом. Я подумывал, не предупредить ли его. Или он уже знает, что будет?

Я прикрыл дверь лаборатории и включил на планшете анализ фильтрации. Никаких инородных субстанций не обнаружилось. Я запросил видеосвязь с Петром.

– Я могу попросить тебя об одолжении?

– Мы тебя изолируем. Через две минуты очистка. А что?

– Ты не мог бы попросить кого-нибудь последить за ней? Я хочу быть уверенным, что ей ничего не грозит.

– Полторы минуты. Слушай, мне кажется, это не выход. Ей нужно немного времени.

– Черт возьми, я должен знать, где она и чем занимается. Она даже разговора со мной вынести не смогла.

– Тридцать секунд. Я не знаю, Якуб. Дай ей время. Если мы начнем в этом рыться, люди тут же станут болтать. Не успеешь оглянуться, и скандал окажется на первых полосах всех желтых изданий.

Он был прав, но ради того, чтобы знать, как дела у Ленки, я готов был терпеть унижение из-за неизбежных сплетен. Почему, черт возьми, она оставила меня мучиться неизвестностью?

– Не могу я торчать здесь в полной неизвестности. Ты должен выяснить для меня хоть что-нибудь.

Я окинул лабораторию взглядом. С левой стороны в стене ящик с уже проанализированными и каталогизированными образцами космической пыли, собранными для сравнения с новой пылью Чопры. Высокотехнологичные частички космоса, содержащие водород, магний, кремний, железо, углерод, карбид кремния, часто в смеси с пылью астероидов и комет, а они всегда внушают надежду, ведь кометы – переносчики мусора во Вселенной, бродяги, веками неустанно толкающие перед собой свои тележки с межгалактическим бардаком.

В их тележках мы, скорее всего, и найдем новые органические частицы, тень следов другой жизни во Вселенной, вещества, которые прояснят образование планет и структуры других солнечных систем, может, даже намек на то, что происходило при Большом взрыве. Но все эти лабораторные образцы были устаревшими новостями, не дававшими никакого стимула воображению. В правой части отсека ждали своего часа пустые стеклянные и титановые контейнеры, стерильные, тщательно отполированные и готовые к заполнению частицами межзвездной пыли, прилетевшей к нам незнамо откуда.

– Дай мне это обдумать до завтра, – сказал Петр. – Может, я сумею подключить министерство внутренних дел. А тебе нужно снова собраться с духом. В твой полет вложили серьезные деньги. Люди наблюдают.

Из вентиляционных отверстий вырвались легкие облачка знакомой желтоватой субстанции. «Бомба!» – революция в уборке дома и спонсор миссии. Никаких больше антибактериальных салфеток, никакого «Доместоса». Раз в неделю хороший домохозяин или хозяйка могли поставить посреди дома синий кубик «Бомбы!». Активировать, выйти на улицу на пять минут. В это время повсюду распространится дымка, уничтожив 99,99993 процента имеющихся бак-

терий, безжалостный и эффективный геноцид. После этого вещество превращалось в безвредные молекулы азота, оставляя после себя приятный цитрусовый аромат. Вместе с создателями «Бомбы!» инженеры Чешского космического агентства разработали новую версию вещества для борьбы с любыми известными вредными молекулами, с которыми мог встретиться астронавт. «“Бомба!” – радостно кричали рекламные ролики. – Теперь и в космосе!» Я подумал о том, пострадает ли существо, может, я найду мертвое тело и повезу его обратно на Землю. Дымка постепенно рассеивалась.

– Все чисто, – сообщил Петр. – Ни следа чужеродных субстанций.

За моей спиной раздался тихий стук в дверь.

– Вот и отлично. Я могу уйти из сети? – спросил я.

– Ты мне нужен уверенным в себе, Кубо.

Кубо. Так звала меня мать.

– Понял. Постараюсь взять себя в руки. Просто дай мне передохнуть и найди мою жену.

Пауза.

– Я свяжусь с тобой через три часа, – сказал он, и его лицо исчезло с экрана планшета.

Снова раздался стук. Я открыл запертую дверь. Существо походило на готовый к жарке панициль – кожа вся обсыпана тонким белым порошком, с шерсти капает яично-желтая слизь. Губы были болезненно-синими. Одна лапа застряла в пустой гигантской банке из-под «Нутеллы».

– Ты сожрал мой десерт, – сказал я.

– Приношу свои извинения. Яйцеклеток пернатых я не нашел. Я прошелся по краешку твоей памяти – так, совсем недолго, поверь, – а потом у меня началось то, что вы зовете депрессией.

– Я уже просил тебя так не делать.

– Эта слякоть, «Нутелла», такая вкусная. Сытная, жирная, как наши личинки штомы. Их прокусываешь и сосешь жир.

– Ты не ранен? – поинтересовался я.

– Понимаю твое любопытство, тощий человек. Никаких страданий от столкновения с земными чистящими веществами я не ощутил.

Я поплыл к нему, желая, чтобы существо не исчезло. Его губы были закрыты, и я задался вопросом, какая космическая эволюция привела к созданию этого вида. Означает ли моя ассоциация частей его тела с телами земных животных наличие связей, или я просто отчаянно выискиваю что-то знакомое? Я, наверное, чокнутый, раз меня посещают такие мысли. Я слизнул с зубов кровь и потер воспалившиеся глаза.

– А насчет «Нутеллы» – я реально очень расстроен, – добавил я. – У меня осталась всего одна банка.

– Признаю вину, – ответило существо, – хотя чувствую, что имею достойное оправдание. Ваш вид рассматривает размеры окружающих вас объектов в сравнении. То, что больше способности восприятия вашего мозга, пугает вас. Этот страх мне кажется неудобным, словно сон на кровати из пустых раковин штомы. Он меня заразил. Я занимался любовью с твоей женой вместе с тобой и подсматривал за ней, когда она мочилась на устройства для определения беременности. Вместе с тобой я размышлял о том, что ты называешь смертью, и об экзистенциальном страхе, сопутствующем твоим амбициям. Странно это – паста из лесного ореха липла к моим зубам, мои желудки насыщались, и от этого ощущения становились менее неприятными. Знаешь, тощий человек, меня больше всего огорчает то, что теперь я разделяю твои страхи, хоть и не понимаю их. Что случится, когда я погибну? Для чего задаваться таким вопросом, если, как утверждают Старейшины моего племени, тут уверенность невозможна?

Галлюцинация же не могла быть наполнена мыслями, никогда не приходившими в мою голову? Не могла так обляпаться яично-желтой чистящей жижей, не могла вызывать воспо-

минания, похожие на кино, и при этом жить на краю кадра, словно я одновременно сижу в зрительном зале и прогуливаюсь по экрану. Да, конечно, присутствовал страх, и у меня нет божества, чтобы обратиться за его милостью, но чем скорее я достигну момента истины, тем скорее сумею разобраться с итогами – либо открою новую форму жизни во Вселенной, либо осознаю, что лишился рассудка.

Я протянул к существу руку с указующим пальцем. Я еще мог повернуть назад. Тума говорил об идеях, о науке и будущем для страны. А что, если я поймаю для вас инопланетянина, сенатор? Вдохновлю я этим национальную гордость, как вы надеялись? Нет, не может такого быть. Губы, зубы курильщика, глаза и отсутствие гениталий – что бы выявил фрейдистский анализ Куржака в этой мозаике моего воображения? Да, у матери были полные губы, часть ее образа кинозвезды. Да, у отца зубы часто бывали желтыми. Я, скорее всего, предоставлю Туме нового пациента для Бохнице, лучшего пражского заведения для душевнобольных.

Я дотронулся до ноги существа, ощутил шероховатость каждого волоска, как у гостиничного ковра, и стальную твердость кости под шерстью, и мягкую пульсацию сухой кожи.

Оно было здесь. Было.

– Ты и правда здесь, – сказал я.

– Здесь, – ответил он.

Отпустив его мохнатую лапу, я метнулся назад, безумно цепляясь за поручни на стене.

– Я хотел бы помочь тебе справиться с эмоциональным расстройством, тощий человек. К сожалению, не могу предложить тебе утешиться «Нутеллой», потому что я ее съел.

Мне было необходимо подумать, переварить, требовалось отвлечься от этого прикосновения. Я оставил создание и вернулся в лабораторию, инвентаризировал старые образцы, маниакально шерстил старые записи, создавал новые, полировал стекло и переставлял предметы на рабочем столе – лампы, стикеры для заметок, серебряные ручки, блокнот.

Я скрывался в лаборатории два часа. А когда вышел, в переходах слышался тихий храп. Существо плавало под потолком в углу Гостиной, все глаза закрыты, ноги сложены под животом, образуя почти идеальную сферу. И я понял, что нужно делать.

Я прихватил из лаборатории скальпель. Что делает ученый, столкнувшись с невероятной возможностью? Собирает данные, изучает их научными методами. Я подумал, не рискнуть ли мне вырезать образчик кожи или хотя бы сделать соскоб и поскорее вернуться в лабораторию, прежде чем существо поймет, что случилось. Был и более безопасный вариант – собрать только волосы. Так и поступим.

Если я положу образчик под микроскоп и обнаружу реальные молекулы, значит, я могу быть уверенным. Молекулы не лгут. Химические элементы правдивы. На мгновение мне захотелось просто воткнуть скальпель в живот существа, расплескать его внутренности по всему кораблю – это было бы самое осязаемое доказательство. С сильной головной болью и трясущимися руками, побочным эффектом снотворного, я приблизился к инопланетному существу, послушал его выдохи и поднял нож, решив остановиться на самом безопасном варианте – сборе волос.

Не открывая глаз, существо сказала:

– Не советую тебе следовать подобным намерениям, тощий человек.

Я вздрогнул. Это был настоящий рык.

Его глаза распахнулись. Лапы не шевельнулись.

Мои веки пульсировали, я не мог сглотнуть. Должен же быть способ. Нужно что-то поместить под микроскоп, подтвердить или опровергнуть мои ощущения. В тот момент это казалось мне важнее кражи огня с Олимпа или расщепления атома. Дальнейшее было неизбежно.

Я ткнул нож в спину существа.

Он перехватил скальпель одной лапой, три других обвились вокруг меня. Мы взлетели вверх с ужасающей скоростью, он всем весом давил мне на грудь, живот и пах. Как будто меня схватили три змеи разом. Я не мог пошевелить ничем ниже шеи.

– Ты отказываешься быть объектом моего исследования и при этом делаешь им меня, – произнесло существо.

В голосе не было гнева, только констатация факта. Скальпель поплыл в сторону иллюминатора.

– Извини. Я не хотел тебя ранить.

– Это мне известно, тощий человек. Но целостность тела неприкосновенна. В этом величайшая вселенская истина.

– Понимаешь, это вышло так... неожиданно. Я должен был знать, существуешь ли ты.

– А представь мое изумление, когда я обнаружил Землю, – сказала оно.

– Не сравнить ни с чем из того, что ты видел?

Молчание.

– Дай мне образец кожи. Маленький. Чтобы я был уверен. Мы с тобой можем изучать друг друга. У тебя есть имя? Чтобы я мог тебя как-то звать.

И опять тишина. Теплый живот существа обнимал меня, как водяной матрас на кровати.

– Вероятно, это была ошибка, – сказала оно. – Да, теперь я уверен.

Существо отпустило мой торс и быстро двинулось по проходу.

– Не ошибка, – сказал я. – Останься.

Я карабкался вперед, цепляясь за поручни, но не мог сравниться со скоростью существа. Вскоре оно исчезло из вида. Я проверил лабораторию, спальню, кухню, ванную, каждый угол Гостиной. Я кричал, умолял его вернуться. Обещал дать ему все, что он захочет. Обещал, что больше никогда не рискну нарушить целостность его тела. Говорил, что понял, как это важно.

Ответа не было.

Спустя несколько часов, когда я наконец заполз в свое лежбище, приглушил свет и капнул на язык двойную дозу «Сладких снов», я опять почувствовал давление на виски, перед глазами поплыли яркие пятна. Челюсть ныла от больного зуба. Существо продолжало меня зондировать, несмотря на отсутствие. Он искал один особенный день. День, когда в моей жизни появился незнакомец с предметом, принадлежавшим моему отцу. Железным башмаком.

Железный башмак

Спустя два дня после моего тринадцатого дня рождения я свалился с температурой и болями в животе. Бабушка проверяет меня каждые несколько часов, а я читаю «Робинзона Крузо» и блюю в ведро, которое обычно используют для свиной крови. Лето дождливое, и через окно я наблюдаю за дедушкой, который проклинает небеса и, чавкая сапогами по грязи, запихивает сено в кроличьи клетки. Захваченная водосточными желобами дождевая вода стекает в маленькое корыто, бабушка использует ее для полива растений. Куры спят в курятнике, уцепившись когтями за деревянные шесты, служащие им постелями. Две шипящих и воющих черных кошки скатываются с крыши дома прямо в грязь. Я не знаю, убивают они друг друга или же спариваются, и сомневаюсь, что это имеет значение.

В жару я потерял счет дням, и когда к воротам подъезжает синий «Ниссан», я не знаю, воскресенье сегодня или четверг. Из машины выходит мужчина в костюме, разглаживает складки на пиджаке, вынимает из багажника лиловый рюкзак. По холодной прихожей разносится стук. Бабушка разговаривает с гостем у двери. Я выхожу из своей комнаты и пытаюсь расслышать их шепот.

– Ступай спать, – говорит мне бабушка.

– Значит, вот он, мальчик, – говорит незнакомец.

Разговаривает он уголком губ и, несмотря на глубокие шрамы от оспы на щеках, напоминает киноактера – четко очерченная челюсть поросла щетиной, глаза холодные, волосы прилизанные, но не сальные.

Со двора подходит дедушка, с сигаретой в зубах и горстью зерна в руке. Он прислушивается к словам незнакомца.

– Якуб, марш в кровать, – говорит мне дедушка.

Он жестом приглашает незнакомца в гостиную, дверь за ними захлопывается. Я считаю до шестидесяти и иду к двери. Осторожно вынимаю из скважины ключ и подглядываю в нее. Дедушка сидит с пивом, незнакомец кладет мокрый рюкзак на стол, достает оттуда ржавый железный башмак, такой большой, что годился бы только настоящему великану. Повернувшись спиной к мужчинам, бабушка поливает цветы.

– Как я и сказал, когда-то я был весьма необычным образом тесно связан с вашим сыном, – говорит незнакомец. – Когда мы встретились в первый раз, он познакомил меня с башмаком, который вы видите на этом столе. Он отвел меня в комнату для допросов в штаб-квартире тайной полиции и спросил, люблю ли я стихи.

– Предложу вам пива, если вы уберете свои грязные вещи со стола моей жены, – говорит ему дедушка.

– Я прошу прощения, – отвечает чужак, но башмак остается там, где и был. – Я сказал ему, что да, увлекаюсь. Как и всякий студент университета, я любил классику. Уильям Блейк, вот о ком я рассказывал вашему сыну. Он спросил, пишу ли я стихи сам.

– Вы напрасно тратите свое время, – замечает дедушка.

– Я стихов не пишу, пан Прохазка. Я их люблю, но не умею видеть мир в образах. Однако ваш сын был уверен, что я редактор какого-то международного информационного бюллетеня. С призывами к действиям. Он был уверен, что я написал стихи, призывающие к кровавой революции, к резне руководства, партийных бонз, их семей, которая откроет капиталистам ворота нашей страны и опять поработит пролетариат. Он был так уверен, что надел мне на ноги башмаки. Вот этот – один из них.

Незнакомец похлопал башмак.

– Вы же знаете, моего сына больше нет, – отвечает дедушка.

– У вас когда-нибудь немели ноги? Ну, то есть в самом худшем смысле. Пытаешься встать, но не контролируешь их, как будто кто-то обрезал нервы и ты не владеешь больше собственным телом. Вот как бывает в таких башмаках. Ваш сын был очень нежен, когда брил мне грудь и размещал электроды прямо под сосками. Он откашлялся, учтиво подвинул мой стул поближе к стене, чтобы я мог прислонить голову. Сунул мне в рот кусок картона, чтобы я прикусил. Похлопал меня по плечу, как прохожий, говорящий кому-то, что тот уронил монетку, а после нажал на кнопку и наблюдал, как эти калоши пропускают разряд до мозга моих костей. Ты становишься человеком-лампочкой. Ты мочишься, немного кричишь, хватаешь ручку и все подписываешь – да, это был я, я написал те стихи. Но ваш сын – не скажу обо всех партийных чиновниках, но про вашего сына я могу говорить каждой клеткой своего тела, – он не дал мне признаться так скоро. Он уменьшал напряжение и описывал обычный день моей матери. «Утром, – говорил он, – она ест рогалик с джемом и сыром «Эдам». Она чистит зубы, слушает по радио музыку. Она едет по линии А на Староместскую площадь в Праге, где работает машинисткой. На обед она делает рулет с ветчиной – кроме понедельников, когда берет с собой оставшийся с воскресенья шницель, помещая его между двух кусков хлеба с соленым огурцом. В обеденный перерыв она читает пьесы. Возвращается домой около четырех, смотрит телевизор, пока чистит картошку и готовит на ужин свинину с квашеной капустой». Вот тогда-то, пан Прохазка, лицо вашего сына стало очень серьезным – он реально имел меня, он был счастлив, но не мог выказывать своего садистского удовольствия. Он стеснялся, ваш сын. Он был очень серьезен, говоря, что моя мать совокупляется с моим отцом только по средам и никогда не позволяет ему кончить в нее, она верит, что будет еще одна мировая война и американцы убьют всех нас, а зачем рожать новых детей только для того, чтобы смотреть, как они умирают? Я уверен, пан Прохазка, вы, как и я, задаетесь вопросом – это все просто выдумка вашего сына для запугивания или же большевики в самом деле наблюдали, доставляют ли мои мать и отец удовольствие друг другу? Для меня, пан Прохазка, это навсегда осталось загадкой. Что поделать, не могу же я спрашивать свою мать. Вижу, вам тоже любопытно. Рассказав мне эту историю, ваш сын позволил моим онемевшим пальцам подписать бумагу, а когда забирал ее, просиял, как мелкий лакей, собирающийся доставить хозяину утреннюю газету. Что вы об этом думаете?

Бабушка стоит неподвижно, глядя в окно. Дедушка с кратким стоном встает со стула, с трудом распрямляя спину. Идет к холодильнику, достает пиво. Ставит его на стол, открывает и выпивает половину одним глотком.

– Вы хотите, чтобы я за него извинялся? – спрашивает дедушка. – Нет, я не могу. И не уверен, что он сам стал бы сейчас извиняться. Не уверен, что он о чем-нибудь сожалел. У него были свои убеждения.

– Разве вам не интересно, как я получил этот башмак? Я теперь богат, пан Прохазка. Приватизация была со мной любезна. Занимаюсь железом, цинком. Кое-какие оружейные контракты. Я даже подумываю открыть в центре пару ресторанов с фастфудом. Я купил башмак у приятеля, занимавшегося инвентаризацией в полиции. Точно знаю, что это именно тот, с которым я имел интимные отношения – его номер выжжен на моей коже. Можете себе представить? Обвинение собиралось использовать это против вашего сына, очернить ваше имя на десять поколений вперед, но он успел уйти раньше. Представляю, как он ползет по стальному канату и сам его перерезает, такой он был трус. Неужели вы думаете, я приехал из Праги, чтобы услышать, как старик будет передо мной извиняться? Да возьмите вы свои извинения и скорчите своим свиньям.

Дедушка приканчивает свое пиво. Поднимается и хватается за горлышко пустую бутылку. Бабушка роняет брызгалку для цветов. Незнакомец чешет щетину с таким звуком, будто спичка шаркает о коробок. Я ожидаю, что дедушка ударит гостя, но он не поднимает бутылку. Его руки трясутся. Он опускает бутылку и с хрипом раненого медведя заходит в приступе

кашля курильщика, бабушка протягивает ему мятный леденец и поглаживает по спине. Незнакомец в ритме дождя постукивает пальцами по башмаку. В этом даже видится некая вежливость, словно он уступает дорогу противнику.

– Это было грубо, – говорит незнакомец. – Я не собирался оскорблять ни ваши занятия, ни мудрость вашего возраста. Но скажите, как я мог оставаться в стороне? В мире должны быть какие-то правила. Партия наградила вашу семью за то, что ваш сын был хорошим псом. Но разве я не заслуживаю правосудия? Убедите меня, что я не должен здесь находиться, и я уйду и никогда не вернусь.

– Вы верующий? – спрашивает дедушка.

– Нет.

– Так идите к черту с вашим правосудием. На той неделе одну из наших кошек раздавила машина. К кому мне обращаться за компенсацией? Люди не всегда расплачиваются за свои ошибки.

– Да. Но, возможно, я сумею это поправить. – Незнакомец встает и опять разглаживает складки на пиджаке. – В общем, это было дружеское знакомство. И теперь вы будете видеть меня повсюду. Может быть, в магазине? В пивной? Я немного поболтаю с вашими соседями. У меня теперь здесь домик в лесу. Прекрасный вид.

– Что вам надо? – спрашивает дедушка. – Скажите начистоту.

– Я пока не уверен, – говорит незнакомец, – но когда решу, загляну к вам снова.

Он берет башмак, сует обратно в рюкзак. Дедушкины плечи поникают, он смотрит в окно на недавно вылупившихся цыплят, клюющих остатки утреннего зерна. Я забыл, что смотрю не кино. Человек с башмаком открывает дверь, и я падаю навзничь.

– Малютка Якуб, – говорит незнакомец.

Я встаю на ноги. Он протягивает мне руку, я ее игнорирую.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Космонавтом, – говорю я.

– Героем, значит. Ты любил своего отца?

Дедушка снова берет бутылку, с прытью юнца подбегает к нам и кричит:

– Пошел прочь, мерзавец! Вон!

Незнакомец выбегает за дверь, выметается из калитки, а Шима цапает его за лодыжки. Он уезжает. Дедушка стоит у калитки, тяжело дышит. Скоро полдень, и соседи парочками и тройками идут по главной улице, в магазин за свежими рогаликами. Останавливаются рассмотреть сцену бегства нашего гостя и наверняка готовятся за вечерней игрой в марьяж сочинять теории на эту тему.

– Ты нас слышал? – спрашивает дедушка, возвращаясь в дом.

Я киваю.

– Не тошнит?

Я трясую головой. Гнев обжигает желудок, подступает к горлу отрыжкой, но я не знаю, на кого злиться. Прежде я никогда не встречался с реальным насилием. Это вовсе не так захватывающе интересно, как в книгах.

– Пошли кролика освежаем, – предлагает дедушка.

– У него температура, – возражает бабушка.

– Ну так дай ему рюмку сливовицы. Он неделями киснет дома. Разве это полезно для мальчика?

Я надеваю плащ и иду вслед за дедушкой к кроличьим клеткам. Он нацелился на Росту, белого толстенького самца, прячущегося в углу. Роста пищит и дергается, пока дедушка не наносит ему быстрый удар по затылку. У компостной кучи собираются куры и в экстазе кудахчут, когда дедушка перерезает кроличье горло и густая липкая кровь заливает их клювы.

Дедушка подвешивает Росту за два крюка на дерево, выковыривает кончиком ножа глаза и отдает мне, скормить курам. У меня на пальцах остается липкая слизь, похожая на сопли.

Отец редко рассказывал мне о своей работе. Говорил, что пока другие, удобно устроившись на уютных рабочих местах, оборудованных для них государством, работают администраторами в отелях или доят коров, он следит за тем, чтобы правду и справедливость нашего строя не нарушили те, кто в них не верит. Мне казалось, он нравился людям – с ним всегда здоровались и улыбались, – хотя с каждым годом, становясь старше, я все больше видел неискренность этих жестов. Даже после того, как отца вызвали в суд и газеты стали писать о людях вроде него, я не думал, что он мог мучить невиновных, не стремившихся разрушить наш образ жизни.

– Ты не верь всему, что наговорил этот тип, – говорит дедушка, распарывая ножом живот Росту.

– Как ты думаешь, папа был не прав, причиняя ему страдания?

– Мне известно не больше, чем тебе, Якуб. Знаю только, что он делал многое, с чем я не согласен. Он считал, что своими руками создает для тебя лучший мир.

– Его посадили бы в тюрьму?

– Ты же знаешь, мир вокруг вечно пытается нас захватить. То одна страна, то другая. Нас всего десять миллионов, мы не можем сражаться со всем миром, и поэтому выбираем тех, кто, по нашему мнению, должен понести наказание, заставляем их как следует помучиться. В одной книге твоего отца назовут героем, в другой – чудовищем. Тем, о ком не напишут книг, живется проще.

Дедушка собирает печень, сердце и почки, отрезает лапы и ребра, и когда мы возвращаемся в дом, на дереве остается только шкурка. Она будет сохнуть несколько дней, а потом дедушка ее продаст. Мы счищаем тупым ножом куриный помет с подметок, и пока дедушка моет мясо в ванне, прежде чем убрать в холодильник, я прошу бабушку заварить чай.

На столе в гостиной гигантский след нарушает гладкость тонкого слоя пыли, и мне хочется, чтобы башмак оставался там, чтобы я мог его потрогать. Ведь к нему когда-то прикасался отец, может быть, там осталась его частичка – крошка пыли, малюсенькая чешуйка кожи, состоящей из той же жизни, что и моя. Ночью я засыпаю без температуры, но еще с тошнотой, дед и бабушка разговаривают на кухне. Я с уверенностью распознаю одно слово – Прага, повторенное снова и снова.

Спустя несколько дней я снова здоров. После школы я иду по берегу реки Огрже, которая тянется от Стршеды через весь округ и в конце концов сливается с Эльбой, синей веной Европы. На воду сыплются красные сережки. Плеск рыбы нарушает обеденную тишину главной дороги. Все сидят по домам и едят картошку со шницелем, или картошку с колбасой, или картошку со сметаной. Они будут смотреть телешоу с политическими дебатами, на которых новоявленные апостолы демократии спорят между собой о том, как должен функционировать свободный рынок и насколько сурово надлежит наказывать коммунистических коллаборационистов в соответствии с гуманистическим лозунгом президента Гавела: любовь и правда торжествуют над смертью и ложью.

Впереди, под низко нависшей веткой, мужчина мочится на ствол березы. Он застегивает молнию, оборачивается. Это незнакомец с башмаком.

– Маленький космонавт, – произносит он, что-то жуя.

– Вам нельзя со мной разговаривать.

– Очаровательные местечки эти деревни. Приятно отдохнуть от Праги. Там после краха Москвы слишком много америкосов и бриттов с фотоаппаратами. А здесь – пиво, речка и футбол на траве. Хорошее место для мальчика. Жвачку?

Он протягивает ко мне руку. Упаковка разрисована яблоками и апельсинами. У меня такой жвачки отродясь не было, и мне очень хочется ее взять – изо рта мужчины пахнет так

же приятно, как от вишневых деревьев летом. Но этот человек мне не друг. Я выбиваю пачку из его руки, поднимаю кулаки, готовясь к удару. Он смеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.